

18+

НАИЛЬ АКЧУРИН

Крепостные мастера

КНИГА ВТОРАЯ. СНАЙПЕР

Наиль Гельманович Акчурин

Крепостные мастера.

Книга вторая. Снайпер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577490

ISBN 9785448398094

Аннотация

Вторая книга «Снайпер» написана в жанре политического детектива – о времени стремительных перемен в жизни России – «Перестройке»; отношении научно-технической интеллигенции к происходящим событиям, изменениям в армии, производстве и переоценке человеческих ценностей. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Глава вторая	34
Глава третья	58
Глава четвертая	80
Глава пятая	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Крепостные мастера Книга вторая. Снайпер

Наиль Гельманович
Акчурин

*Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старея близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!*
А. С. Пушкин

© Наиль Гельманович Акчурин, 2017

ISBN 978-5-4483-9809-4

Предисловие

В середине восьмидесятых и начале девяностых годов двадцатого столетия Союз Советских Социалистических Республик – великий и могучий, недавно казавшийся оплотом нерушимой дружбы народов, – стал очагом непримиримой межнациональной вражды и территорией гражданских войн. Почему и отчего так случилось? Кто в этом виноват? Современник этих событий без труда изложит причины случившегося, скрупулезно перечислит все персоналии. Они почти все живы и в большинстве своем здравствуют. Мудрый добавит, что крах – удел всех империй. Впрочем, как и других форм правления, существовавших на земле, где народ не ведаёт, а государи безумствуют. Этого не миновала даже Английская империя с ее отлаженным многовековым институтом власти. А Россия? Её судьба на много лет вперед написана кровью несчастного народа, отличительной чертой, которого, к большому сожалению, было и остается предательство. Эта особенность нашего народа вот уже много веков является определяющим вектором всех событий истории государства Российского. Брат предаёт брата, сын отца, солдат Родину, интеллигенция идеалы, политики убеждения, народ веру. Предают с легкостью, даже не задумываясь, что огонь пожарищ, слезы матерей, отчаяние близких неизбежно вернется к ним со смертельной сокрушительной

силой.

Всем понятно, что происходящие с нами события – это не случайность, это результат наших мыслей, наших желаний, и конечно поступков. Зачастую благие намерения приводят к отрицательному результату. Вот почему такие привлекательные лозунги всех бархатных революций: гласность, ускорение, перестройка, пропущенный через темные, непромытые души людей, как правило, приводит к государственной катастрофе.

Так случилось, что свобода, дарованная забитому, замученному коммунистической идеологией народу поначалу вызвала у всех недоумение, как у коровы привыкшей вести «безвыгульный» образ существования. Затем было радостное безумие от всеобщей вакханалии. И, наконец, появился страх перед неизвестностью. Ведь начался развал страны, власть в государстве захватили временщики, которые начали уничтожать и крушить все на своем пути.

Глава первая

Маятник часов

Светлана проснулась от назойливого дверного звонка. Казалось, будто сверло вонзили в голову и держали, отмечая степень болевого шока. Протирая глаза, она посмотрела на часы. Стрелки показывали без десяти минут двенадцать.

Запахнув халат, Светлана направилась к входной двери, про себя ругая дочь за то, что та не взяла с собой ключи.

– Да иду, уже...

Она повернула ручки замков и открыла дверь. Но на пороге стояла вовсе не дочь, а дородная женщина. Светлана сразу ее узнала, хотя видела всего несколько раз и то мельком. Это была жена Кридина Алевтина Всеволодовна. Светлана не успела удивиться, как та по-хозяйски шагнула ей на встречу. Ничего не оставалось, как пригласить ее в дом:

– Проходите...

– Я не буду проходить, Светочка... Я, в общем-то, за тобой...

– То есть как за мной? – Светлана в один миг забыла про сон.

– Вы ведь еще не знаете, у нас Александр Григорьевич пропал, то есть не пропал, а его похитили. – Алевтина Всеволодовна не сдержала слез и заплакала.

– А я здесь причем? – Светлана задала вопрос, не подыскивая нужных слов, но тут же поправилась: – Я-то чем могу вам помочь?

Зная Кридина, она с трудом верила в похищение. Хотя была наслышана о его проблемах, но считала, что этот обмылок из любой ситуации выскользнет.

– Сашу надо выручать, – взмолилась жена Кридина.

– Но я-то, что могу?

– Поедьте к вашему мужу, – решительно сказано она, но увидев на лице Светланы протест, со слезами добавила: – Я Вас умоляю Светочка.

– К какому мужу?

У Светланы защемило сердце.

– К Василию...

– Но он уже давно не мой муж, более того, мы сегодня с Александром Григорьевичем были у него. И он нас не принял.

– Светочка, я вас умоляю, кроме него нам уже никто не сможет помочь.

На глазах Алевтины вновь показались слезы.

– А может быть, лучше в милицию обратиться?

– В милиции я была. Оставила там заявление. Они сказали, что если через трое суток не появится – начнут поиск. За трое суток его убить могут...

Супруга горе-бизнесмена залилась слезами.

– Поедьте, я вас умоляю.

Светлана задумалась, пытаюсь найти веские аргументы, чтобы отказать назойливой посетительнице, но, глядя на несчастное лицо Кридиной, лбреченно сказала: – Ну что ж поехали.

Другого выбора ей не давали.

Во дворе их ждала машина. Белый «Москвич», который Кридин получил вместе с тремя работниками института, проведя удачную бартерную сделку. Светлана предпочла переднее сиденье рядом с водителем. За рулем был сын Кридина. Нагловатый самодовольный увалень находился в состоянии полной растерянности. Он робко учтиво поприветствовал:

– Здравствуйте. – И беспрекословно ждал приказаний.

– Поехали. – Светлана пояснила: – Третий дом возле «горбатого» магазина.

Где жил Василий, Светлана не знала и разыскивать его по всему городу в двенадцать часов ночи тоже не собиралась, поэтому приняла решение ехать на квартиру бывшего свекра. Это жилье осталось за Василием и находилось от нее недалеко, можно было без труда дойти пешком. Но, во-первых, была глубокая ночь – время не спокойное. А во-вторых, глупо идти пешком, когда можно доехать на машине.

Через пять минут они были уже на месте. Поднялись на третий этаж, но, к сожалению, дома никого не оказалось.

– Давайте немного подождем, – попросила Алевтина Всеволодовна.

– Да так его можно всю ночь прождать, а мне завтра на работу! – Но, взглянув, на молящие глаза, Светлана смиротворилась: – Ну, ладно, подождем с полчаса, только потом вы меня домой отвезете.

Они с женой Кридина вышли из подъезда, сели на лавочку и стали молча дожидаться появления ее бывшего благоверного. Говорить было не о чем. Слова утешения Светлане казались неуместными. Она молча смотрела в ясное звездное небо. Вспомнилось, как сегодня они с Кридиным уже приезжала к Василию – в его постоянную «резиденцию» кафе «Раздолье». Надо же, было обычное утро, которое не предвещало никаких бурных событий.

Вообще-то Светлана планировала вовремя прийти на работу, даже отложила запланированное на вечер любовное свидание, но провозилась, так и не смогла раньше завершить все свои неотложные дела. А утром они с Оксанкой никак не могли прервать сладкий утренний сон и подняться с постели. Две первые институтские пары они с дочкой бесовестно проспали. В половине десятого Светлана закрыла за Оксанкой дверь, надеясь, что к последней паре та все-таки придет без опоздания. Уже хотела тоже идти на работу, однако неожиданно изменила свое решение: залезла в ванну и долго лежала, продлевая утренний сон, наслаждаясь душистым ароматом хвойной пены. Затем, же растираясь махровым полотенцем, подумала, что, борясь за здоровый образ жизни, не разумно начинать день без утренней заряд-

ки. Светлана расстелила плед в зале на ковре и как настоящий йог целый час привычно выгибала тело. Время близилось к одиннадцати, хотелось есть да и о работе она начинала беспокоиться. Вдруг все же спохватятся! Правда Светлана давно отучила кого бы то ни было об этом думать. Обычно на обед она времени не тратила, но вот новые коммерческие магазины посещала с удовольствием.

И сейчас она по дороге заглянула в два вновь открывшихся магазинчика и подошла к проходной института точно к обеденному перерыву. Еще подумала: надо бы немного задержаться, но не успела об этом подумать, как к ней подошли два парня – совсем еще юные, из нового поколения отчаянных. Светка сразу оценила – будут приставать. Один из гоблинов выдал из себя вполне приличную фразу на русском языке:

– Извините, девушка, вы в этом институте работаете?

От бархатного голоса и вежливой учтивости Светка немного даже растерялась. Обычно таких сопляков она быстро отшивала. А если они пытались хамить, говорила заученную неприличную фразу, и чтобы они не пустили в ход свои пудовые кулаки предупреждала, что за нее есть кому заступиться. Но на сей раз, ей хотелось быть доброжелательной.

– Да, да. А что? – откликнулась Светка с улыбкой.

– Мы тут компаньона ждем и никак не дождемся. Может быть, вы нам поможете его разыскать?

– А кого?

– Кридина.

– У-у, Кридина у нас все знают. Что ему передать?

– Ничего не передавайте, попросите выйти.

– А если его нет? Он у нас птица перелетная на одном месте не сидит.

– Тогда мы будем ждать.

– Что же весь день будете ждать? – Светка насторожилась.

– И ночь, и день, сколько понадобится.

– Ну, тогда удачи...

В это время из проходной института стали выходить сослуживцы на обед. Они улыбались свободе и солнцу, машинально здоровались со Светкой. Ей хотелось помочь учти-вой молодежи. Но Кридина среди выходящих сотрудников не было.

– Увижу его, обязательно скажу, что вы его ждете, не переживайте.

– А че нам переживать? Пусть он переживает, – не сдержался молчавший до этого парень.

Светка в ответ улыбнулась, пожала плечами и зашагала от проходной.

Войдя в комнату и увидев удрученных сотрудников, Светка решила развеять грустное настроение и сообщила:

– Кридин, тебя там ждут.

Кридин от ее слов вздрогнул:

– Кто?

– Трое. Один с топором и двое с носилками.

Но никто не рассмеялся. Лишь Петрович недобро покоился и пояснил:

– Горбача сняли...

Светка рассмеялась:

– И вы что, теперь по его душу поминки справляете?

– Пока что панихиду, – пояснил Борька Гликман.

– Понкратова, кто меня там спрашивал? – заинтересовался Кридин.

– Да парни какие-то... Они мне не представились. Сказали, что из-под земли тебя достанут. – Светка увидела, как после ее слов перекосило лицо Кридина, и решила посмаковать ситуацию: – По рации переговариваются – не иначе группа захвата «Альфа».

О, если бы это была группа «Альфа»! Кридин только поблагодарил бы Бога за такое стечение обстоятельств. Но теперь, наверное, ему самому нужно будет быть и Альфой, и Бетой и, если понадобится, Сигмой. Он вспомнил, что уже сколько раз давал себе слово не связываться с этой стервой Понкратовой. Она всегда издевательски подшучивала над ним. Кридин с удовольствием раздавил бы это мерзкое создание, но почему-то высокие чины из окружения начальника покровительствовали ей. Поэтому приходилось терпеть эту мерзавку и сторониться ее.

Светлана же никогда не испытывала желания кого-то унижить. Она обращалась с людьми запросто. Исключением,

действительно, был предприимчивый ловкач Кридин, который вызывал у нее насмешливую улыбку. Но со стороны всем все равно кажется, что она баловень судьбы. И может быть, кто-то ей даже завидует. Хотя чему? Первый муж оказался в тюрьме, любимый человек остался инвалидом, второй муж умер при загадочных обстоятельствах. Можно позавидовать привлекательной внешности, дорогим заграничным шмоткам, изысканному парфюму. Но что все это без душевного спокойствия и женского счастья?..

В очередной раз Альберт задал ей задачку с тремя неизвестными. Как ее выполнить, Светлана понятия не имела. Если раньше он просил, например, ознакомиться с технологией, скопировать чертежи установки, познакомить с разработчиком — и с этим все было ясно, то теперь предстояло нечто совсем иное. В институте проходили выборы нового директора, и Светлана должна была повлиять на их исход. Нет, Альберт напрямую такую задачу не ставил, но Светлана чувствовала, что от нее требуют посильного участия. Она была бы рада помочь Альберту, но как? События в стране менялись с небывалой скоростью. Простой обыватель ощущал себя песчинкой, летящей в водовороте истории. Рушилось мировоззрение, устояло. Как оценить и правильно понять происходящее? Повсюду открывались кооперативы. Менялись владельцы собственности. Правильно это или нет? Наверное, правильно. Только очевидно и другое: для того чтобы процветали кооперативы совсем не обязательно уничто-

жать государственные предприятия. Светке, конечно, все это по барабану, у нее все, что нужно есть. Вот только куда деться от злых замученных житейскими проблемами людей? У них во все времена зависть была главной движущей силой бытия, и вот теперь, помноженная на волчий оскал, она вмиг превращается в орудие исполнения заветного желания любыми путями. И тогда уже становится трудно и страшно жить.

Вон на днях среди бела дня убили молодую женщину. На центральной улице города в обеденный перерыв началась перестрелка двух противоборствующих группировок. Из бандитов никто не пострадал. Погибла проходившая мимо молодая женщина – мать двоих маленьких детей. Нелепая случайность? Или закономерность?..

– Александр Григорьевич, если у вас неприятность, давайте вызовем милицию. – Светлане стало жаль Кридина и захотелось ему помочь. Но Кридин оценил это как очередное издевательство.

– Зови сразу КГБ или прокуратуру... – с вызовом ответил он, но тут же осекся. Он вспомнил о Васе Понкратове, первом муже этой стервы, который в данном случае мог решить все его ннеразрешимые проблемы одним движением.

Успокоившись и немного поразмыслив, Кридин, обратился к Светлане мягким вкрадчивым голосом:

– Светлана... Понкратова, мне с тобой поговорить нужно будет, ты, пожалуйста, никуда не уходи после обеда.

– Хорошо.

Светлана пожала плечами, положила сумку на свой рабочий стол. Вытащила косметичку, расческу, и отправилась в туалет наводить должный блеск и шик.

Она посмотрелась в зеркало и к своему неудовольствию нашла на лице еще одну морщинку. Что делать – возраст берет свое. Иногда она сравнивала себя со своими ровесницами и ужасалась тому, что некоторые из них уже стали бабушками, а большинство себя в душе такими и считало. Конечно, век человека был бы намного длиннее, если бы на его долю не выпадало столько переживаний и нервных потрясений. Но Светлана Понкратова за пятнадцать лет пережила потрясения, которые более слабых людей превратили бы не только в сгорбленных старушек. Никому не желала она такое пережить.

После убийства Петьки Ширяева она стала в глазах общественности самым главным обвиняемым. Так, наверное, и должно было быть. А кто же еще во всем виноват, как не любовница-разлучница? Любая добропорядочная жена готова была ей в лицо вцепиться, чтобы другим неповадно было. Находились жадающие просто в ступе сплетен помолоть кости соблазнительницы. Обсудить и осудить. А затем тайком признаться самой себе в загубленной жизни и неудовлетворенных чувствах.

Конечно, такого дерзкого поступка от своего туповатого мужа Светлана не ожидала. Но все же каким-то шестым чув-

ством она понимала, что еще в самом начале ее безумной связи с Анатолием не ждала ничего хорошего. Но зачем-то дал же Бог ей эту любовь. Неужели только для того, чтобы загнать ее в тупик? А из тупика, как известно, всегда есть выход — один из них в пропасть. Так Светка все эти годы в пропасть и летела, пытаясь хоть за что-то ухватиться. Были минуты отчаяния, когда ей просто не хотелось жить. Мужа-кормильца посадили в тюрьму, Альберт помахал ручкой и в самый ответственный момент оставил ее один на один с бедой. А Анатолий? Анатолий стал калекой. Сколько она пролила слез, вымаливая у Неба его спасение. Уверяла и клялась в своей любви и преданности. Обещала выходить его всем своим теплом и вниманием. Но неужели Бог помог ей, чтобы дать такое испытание: лицезреть немощность любимого человека?

После того страшного дня, две недели Анатолий был между жизнью и смертью. Находился в небытии, то бредил и метался, то смиренно лежал, дожидаясь своей участи, то как умалишенный крушил дорогостоящую медицинскую аппаратуру. Он переходил из одной крайности в другую, точно маятник часов раскачивался над его больным телом и истерзанной душой.

Но время все расставляет в нужном порядке и гармонии. И вот постепенно амплитуда колебаний маятника над головой Анатолия стала снижаться, и стрелка часов уверенно показала — жизнь. Теперь Анатолию Солодовникову предсто-

яло еще два месяца бороться за место в этой жизни. Но, увы, сектор приз – здоровье и счастье – ему не выпадал. Одна из шести пуль, выпущенных из автомата Василия, задела нервное окончание шейного позвонка, сделала шею неподвижной и навсегда склонила голову к плечу. Одна из шести превратила красавца мужчину в уродливое существо. И как Светлана ни боролась с собой, как ни пыталась разжечь в своей груди пламя прежней любви, сделать этого так и не смогла. Она дружески улыбалась Анатолию при встрече, с участием спрашивала: «Как дела?» Но все, что раньше их так роднило, было безвозвратно утеряно. Утеряно навсегда.

Анатолий тоже переживал перемены в их отношениях. Только для него это было в несколько раз больнее. Предательство – это ведь не всегда только подлость. Анатолий не смог принять и простить и вскоре из института уволился. Светка после его ухода иногда по ночам плакала, но уже не по Анатолию, не по той неповторимой любви, которая их связывала, а по своей уходящей молодости...

Кридин ждал ее в вестибюле, сидя в кресле перед кабинами лифта. Светлана не могла понять, то ли Александр Григорьевич так сосредоточен, то ли ему нездоровиться. Взгляд отрешенных стеклянных глаз, устремленных в одну точку, болезненная желтизна кожи делали Кридина похожим на восковую фигуру.

– Понкратова, иди сюда, – восковая фигура Кридина словно ожила и поманила пальцем.

Светлана подошла. Александр Григорьевич, опережая ее вопросы, указал на кресло. Светлана присела в ожидании пояснений.

Кридин, казалось, не знал, с чего начать.

– У меня последняя командировка в Красноармейск прошла не совсем удачно.

– Ну и что? Я-то тут при чем?

– Да ни при чем... Завод предъявляет претензии по поводу наших станков. Но предъявляет не институту, а мне, и те ребята, которых ты встретила на улице, приехали эти претензии воплощать в жизнь.

– Ну и?

– Что у них на уме? Я не знаю. Но руководство завода свои условия изложило: возратить деньги за станки, плюс процент за использование денежной массы. Итого миллион. Для института деньги не великие, но эти деревенские «волкодавы» прицепились ко мне и хотят оставить без средств к существованию. Ты понимаешь, что я не один зарплату получал и премию никогда ни от кого не прятал. Почему же я один за всех должен отдуваться?

– Чем же я-то могу вам помочь?

Последняя фраза Кридина больно кольнуло самолюбие Светланы, и ей захотелось, как можно быстрее, закончить эту беседу.

– Чем, чем? Василия надо просить, чтоб помог, иначе трудно предположить, что может быть.

– Кто?! Я просить!?! – Светлана захлебнулась в ярости от такого предложения. – С какой это стати?

– Дело не в стати, Понкратова. Дело в принципе. И я на тебя очень надеюсь.

– Н-е-т... – Светлана всю злость и категоричность выразила в одном слове. И все чувства отобразились на ее лице. Да как он мог с такой просьбой обратиться к ней?! Она к этому чудовищу под расстрелом никогда не пойдет. Он ведь всю ее жизнь искромсал в клочья – убийца! А сколько ее по милициям таскали! То следователь, то адвокат – всю жизнь перетряхнули, словно грязное белье. Казалось, никто не задумывается о ее боли и страданиях. Предлагали ей организовать свидание с мужем. Зачем? Да она сама бы его по стенке размазала, и рука бы не дрогнула, как у него, когда в Анатолия стрелял.

За пятнадцать лет Светлана видела Василия всего два раз – на похоронах его стариков. У такого дурака родители ведь были порядочные люди – царство им небесное. Сколько же им страданий выпало из-за сынка нерадивого. Да такому место только в тюрьме! Неслучайно его там, авторитетом сделали. Вот пусть там и остается до скончания своих дней. А она о нем не хочет ни слышать, ни вспоминать.

– Понкратова, Света, – Кридин заговорил с ней ласково, переведя свой командный голос на низкие тона. – Я тебя прошу. Я ведь к тебе никогда раньше не обращался ни с какими просьбами. У меня просто безвыходная ситуация. Я тебя

умоляю.

– Александр Григорьевич, вы, наверное, что-то перепутали, я ему уже пятнадцать лет как не жена. И моя просьба может возыметь обратный эффект.

Светлана никогда раньше не видела Кридина в таком состоянии. Ей стало жаль этого в недавнем прошлом преуспевающего человека, и она попыталась найти иное объяснение своему отказу.

– Жена ты ему как была, так и осталась, и кроме тебя большего влияния на Василия никто оказать не сможет.

– Вы мне, Александр Григорьевич, льстите.

Но тем не менее слышать такое всегда приятно. Женское сердце обмякло и уже готово было для душевного порыва.

– Светка, давай все же попробуем. Ты же, в конце концов, не за себя просить придешь, за людей, за честь института.

Когда речь зашла о людях и о чести всего института, Светка, как и любая женщина, от которой зависит судьба народа и коллектива, задумалась.

«А может быть, действительно, встретиться с этим чокнутым? – подумала она. – Когда-никогда это должно было случиться. Дочка вон уже институт заканчивает, все понимает и про папу летчика-испытателя сказку слушать не будет. Да и жизнь переменилась: кооперативы, рэкетирьы, бандиты – не ровен час, еще самой придется убийце в пояс кланяться.

– И как вы себе все это представляете?

– Пойдем вместе с тобой к нему, ты будешь рядом стоять,

а я буду говорить.

– А вы что, знаете, где мы можем с ним встретиться?

– А ты что не знаешь его резиденцию? Кафе «Раздолье», – пояснил Кридин.

– Вы хотите туда ехать?

– А что такого?

– Прямо сейчас?

– А почему нет?

– Я сейчас прямо не могу. Я не готова.

Мурашки побежали по спине от волнения, словно перед первым свиданием. Кто знает, может быть, оно таким и было.

Кафе «Раздолье» находилось в самом центре города и считалось элитным заведением, в которое в вечернее время просто смертному попасть было нереально. Оно было задумано для отдыха высокопоставленных особ и пользовалось хорошей репутацией. Обслуживающий персонал всеми силами поддерживал такой имидж. Светлана непременно захотела побывать в знаменитом «Раздолье» и самой посмотреть на вотчину своего бывшего мужа.

В холле их остановил охранник:

– Господа, зал для посетителей направо.

– Мы к Василию Тимофеевичу, – пояснил Кридин.

– А кто вы? Что ему сказать?

– Скажите: жена, – ответил он за Светлану.

– Какая жена? Я всех его жен знаю, – готов был поднять тревогу добросовестный секьюрити.

– Скажите, что первая – Светлана.

– Стойте здесь, сейчас я уточню, какая такая жена.

Охранник с подозрением посмотрел на Светлану и поднялся на второй этаж. Через несколько минут он вернулся и с равнодушным каменным лицом сообщил:

– Василий Тимофеевич сейчас очень занят и принять вас не может. Если у вас что-то срочное, можете мне сообщить, я ему передам.

Светлана посмотрела на Кридина, но тот не решился откровенничать с охранником. И он поспешил распрощаться. Светлана впервые за долгие годы испытала стыд унижения. Ее тупой мужинек не захотел с ней встречаться. Ха-ха. Нужен он ей больно, придурок. Даже ни разу не пришел дочку навестить. Папаша называется. Ради кого и ради чего она вынуждена испытывать эти унижения?..

Светлана вспомнила, как все было. С какой стати она теперь должна выручать Кридина. Да честно говоря, он осточертел ей в институте. Ночной вояж с его женой она согласилась сделать только ради этой женщины. Чисто по-человечески её было жаль, и Светлана считала своим долгом ей помочь. Но только ей, а не Кридину. Этот горе-бизнесмен сам себе копал яму и не один год. Институт письмами закидали покупатели его станков, а ему хоть бы хны. Он думал, так будет продолжаться вечно. Но, как известно ничего вечного не бывает, наступает момент истины, когда за свои поступки нужно расплачиваться. Для Кридина это время наступило,

и удивительного в этом ничего нет. Светлану занимал другой вопрос. Могла ли она несколько лет назад представить, что вот так среди ночи будет дожидаться своего никчемного мужа, добиваться его аудиенции и о чем-то его просить? Даже не ради себя, ради кого-то. Да никогда!

Какой же кудесник так искусно сложил эту звездную комбинацию? Кто вытащил из колоды счастливый билет Василия?..

Светлана не заметила, как из-за угла вывернул кортеж машин. Обычно такие иномарки с воем и свистом проносятся по улицам, не уступая никому дорогу. А тут белый «Мерседес» с ослепительным светом фар, а за ним два джипа медленно и неслышно вкатились во двор дома. За плотно закрытыми тонированными стеклами играла веселая музыка, и казалось, что из машин выходить никто не собирается. Они будто замерли в ожидании чего-то. Светлана ощутила, как ей передается напряжение, заполнявшее салоны фешенебельных иномарок. После небольшой паузы дверь «Мерседеса» открылась, и оттуда вылез высокий, хорошо сложенный парень, с короткой стрижкой и дерзким, мужественным лицом. В его облике проглядывала небрежность. Потертые джинсы и черная лайковая куртка, одетая на майку, толстые золотые цепи на шее и на запястье, огромный перстень-печатка с блеснувшим бриллиантом на безымянном пальце... Он презрительно посмотрел на сидящих на скамейке женщин, сделал паузу, будто напрягая мозги для принятия нужного

решения, но не найдя его, грубо приказал:

– А ну-ка валите отсюда.

– Что? – не сразу поняла Светлана.

– Пошла вон отсюда! Мочалка. Пока я тебя не пристрелил.

– Пойдем Светочка, пойдем, посидим в машине.

Алевтина Всеволодовна, обеспокоенная происходящим, первая поднялась со скамейки и взяла Светлану за руку, пытаясь увлечь за собой. Но в это время из «Мерседеса» вылезла длинноногая девица, а вслед за ней показался Василий в белой рубашке и малиновом пиджаке.

– Ты ко мне? – небрежно спросил он Светлану.

– Да, – в ее голосе слышалась покорность.

– И зачем?

– Поговорить надо.

– Кому надо?

– Мне.

В это время тонированные стекла машин поползли вниз, и из окон показались дула автоматов, выставленные в разные стороны с четко определенным сектором обстрела.

– Здесь будем говорить или в дом поднимемся?

– Поднимемся.

Светке, с одной стороны, все это было любопытно, а с другой стороны, стоя под прицелами автоматов, опять подумалось: какого черта она здесь делает и ради кого?

– Ну, тогда пошли.

Но прежде чем Василий сделал шаг, один охранник дал

отмашку рукой, и в подъезд, выскользнув из джипа, быстро побежал другой атлетически сложенный парень. Он открыл входную дверь окинул глазами все закутки, поднялся на этаж выше, затем вернулся и доложил:

– Шеф можно идти, все чисто.

После этого он вновь бросился в подъезд проверять остальные этажи. Вслед за ним из джипов с автоматами наперевес начали выходить остальные. Двое из них встали, прикрывая Василия своим телом, и усиленно вглядывались в темноту кустов небольшого палисадника возле дома. Еще двое подошли к машине Кридина для выяснения личности водителя. Алевтина Всеволодовна, кидаясь к сыну, выкрикнула:

– Это наша машина!

Один из парней утвердительно кивнул, что-то тихо сказал своему напарнику, после чего они вслед за Василием и двумя девицами направились к подъезду. Светлана и Алевтина замыкали процессию.

Войдя в знакомую квартиру, Светлана ее не узнала. Шикарные апартаменты с импортной мебелью и добротно сделанным евроремонтом ничем не напоминали старую развалину в которой когда-то жили старики Понкратовы. К тому же в квартире была сделана перепланировка. Между кухней и залом убрали перегородку, и теперь эта комната выглядела как один большой холл, где располагался светлый кожаный диван, кресла и домашний кинотеатр. На стенах были

развешаны картины в массивных рамах. Но самое большое впечатление на Светлану произвел огромный ковер, который лежал на полу словно картина, запечатлевшая разъяренного тигра на фоне джунглей. Пол кухни был поднят на один кирпич, и вдоль стены красовалась итальянская кухонная стенка бежевого цвета.

Пока Светлана разглядывала интерьер, Василий снял пиджак, передал одному из парней, засучил рукава рубашки и ослабил узел галстука. Затем зашел в ванную и наскоро ополоснул лицо и руки. Когда он вновь вышел в холл, одна из девиц подала ему полотенце. Василий вытерся, бросил полотенце в кресло и едва слышно позвал Светлану:

– Пойдем.

Светлана, а вслед за ней и жена Кридина направились за Василием в одну из дальних комнат.

Это был рабочий кабинет. Всю ширину комнаты занимал большой черный стол возле окна, оставляя лишь небольшой проход к массивному кожаному креслу. Рядом со столом вдоль стены выстроились в ряд стулья, с другой стороны располагались два кожаных кресла. На стенах висели репродукции с картин американской жизни. Среди них обрамленная в раму огромная картина, изображавшая статую свободы.

Василий прошел, сел в кресло за письменным столом и по-деловому жестом предложил присаживаться женщинам. В комнату вошел охранник и сел в одно из кресел рядом со Светланой, пахнув дорогим одеколоном и запахом алко-

голя.

– Рассказывай, что у тебя в очередной раз стряслось? – Василий был явно не расположен к разговору и будто процеживал слова сквозь зубы.

Этот тон Светлане был неприятен. Она обращалась к Василию в первый раз, и то, чтобы он помог решить проблемы посторонних людей. Но сейчас она не стала высказывать возражения, лишь кивком головы переадресовала вопрос Василия своей спутнице. Алевтина Всеволодовна от непривычной обстановки растерялась, что-то пыталась объяснить, но понять, что она хочет сказать, было невозможно. Тогда Василий, теряя терпение, начал сам задавать наводящие вопросы:

– Ты кто?

– Я жена Кридина.

– И что ты от меня хочешь?

– Чтобы Сашу отпустили.

– Откуда отпустили?

– Не знаю.

– А я тем более не знаю...

Алевтина закрыла лицо руками и залилась слезами. Василий сидел в кресле и терпеливо дожидался окончания женской истерики. Но, видя, что кончится она не скоро, обратился к парню:

– Валек, дай ей воды.

Валек вынул из шкафа бутылку минеральной воды, раз-

лил по стаканам, один стакан поставил перед Светланой, другой протянул жене Кридина.

– Ты можешь объяснить, что произошло? – Василий обратился к Светлане: – Я что тут полночи должен женские страдания выслушивать?

– Я не знаю, говорит: Кридина украли.

Алевтина в знак согласия утвердительно закивала головой.

– Наверное, эти из Красноармейска. Они ему второй месяц покоя не дают.

– Валек, кто у нас в Красноармейске рулит?

– А хер их знает, был Зыба. У них там один завод, вот они его и доят.

– Ты знаешь его телефон?

– Был где-то записан.

– Найди.

– Ты что с ним связаться хочешь?

– Да.

– Что прямо сейчас?

– А что, он какой-то цаца?

– Нам сейчас только с Зыбой диалога не хватает.

Василий эту реплику пропустил мимо ушей, а Валек достал из шкафа большую тетрадь и занялся поиском телефонного номера.

– Ну вот, Заболотнев Александр Иванович, рабочий и домашний телефон.

– Давай по-домашнему, в это время мы его на работе не застанем.

Василий протянул Вальку переносную трубку и стал дожидаться, когда тот соединит его с нужным абонентом.

Светлана разглядывала своего бывшего мужа и видела перед собой совсем чужого человека. Конечно, это был не тот Василий из прошлой забытой жизни. Сознанием она понимала, что это все тот же ее обмылок, и она легко бы поверила своим глазам, если бы все дело было в одной красочной обертке. Но перемены произошли именно внутри человека, изменили всю его энергетику. Перед ней сидел уверенный в себе мафиози, для которого отдавать приказы и говорить – одно и то же. Это был несомненный лидер, ведущий за собой людей, объединивший их одной идеей и смыслом. И Светлана неожиданно поняла, что такой человек ей определенно нравился. Он заслуживал к себе уважения.

– Александр Иванович!? Не клади трубку, сейчас с тобой будут говорить.

Валек протянул Василию трубку.

– Александр Иванович, здорово тебе. Это Василий Тимофеевич по твою душу. Какой? Какой? – Василий посмотрел на женщин и тихо добавил: – Снайпер.

От этого слова у Светланы холодок пробежал по спине. Она, как и все обыватели города, слышала про снайперов, отморожков и беспредельщиков. С этой группировкой не могли наладить диалог ни местные бандиты, ни правоохранитель-

ные органы. Снайперы считали себя выше. Посягательство на интересы группировки означало смерть. Никаких компромиссов. Никаких переговорных процессов с конкурентами не велось. Любая «стрелка» заканчивалась расстрелом. Перед ними трепетали и заискивали, их боялись и сторонились.

– Ну, ты, старый, меня узнал? Спасибо и на этом, – усмехнувшись, с сарказмом в голосе продолжал Василий: – Тут человек один, я знаю, к тебе попал. Ну да, инженер. Кридин. Нетрадиционной сексуальной ориентации? Согласен. Я его один раз чуть сам не замочил. Ты его, Иваныч, отпусти. Что, ползавода украл? На него это похоже.

Василий усмехнулся. А Алевтина Всеволодовна, услышав про нетрадиционную сексуальную ориентацию, вся превратилась в слух.

– Ну ладно, он никуда не убежит. Если должен, значит отдаст. Ты же знаешь, я живу по законам. В случае чего, за базар отвечу. Ладно, считай, что я тебе должен. Ну, я же сказал, отдаст.

Василий укоризненно посмотрел на Алевтину Всеволодовну. И та в знак согласия утвердительно закивала.

– Тебе что, моего слова не достаточно. Хочешь, чтобы я расписался? Нет, не хочешь?

Василий рассмеялся.

– Хорошо завтра жду. Я тоже. Давай подъезжай к обеду в «Раздолье». Ты же, старый, знаешь, куда ехать. Привык

Ваньку валять. А этого козла отпусти, ты смотри он хилый, просто так может кони двинуть. И будет на тебе висеть мокруха, ладно бы за человека, а так за какого-то чмона. Ну, все пока.

Василий положил трубку.

– Что-то ты с этим Зыбой, прям, как с человеком разговаривал? Колхозник замученный. Если сейчас не выполнит условий, я сам съезжу к нему. – Валек весь затрясся от беззвучного смеха. И чувствовалось, что дай ему волю, он бы всех подряд мочил.

– Ша, – Василий выдохнул. – Ну, все придет ваш благоверный скоро домой, и вы ступайте себе.

– Василий Тимофеевич, а что я вам должна? – жена Кридина попыталась заодно решить «малой кровью» и вторую проблему.

Василий усмехнулся, разгадав этот простой прием и зло ответил:

– Ты мне лично ничего не должна. Мне от тебя ничего и не нужно. За этот визит расплатится она. – Василий пальцем показал на Светлану. – А за то, что муж твой кинул братву, вы ответите с ним вместе. Ты разговор слышала? Вот смотри, если что.

Глава вторая

Проклятый дух

После того, как за Светланой закрылась дверь кабинета, Василий снял галстук, сделал несколько вращательных движений головой, разминая шею, затем взял со стола нетронутый Светланой стакан с минеральной водой и сделал несколько глотков. В комнату вошел долговязый парень в черном строгом костюме и с небольшим портфелем в руке.

– Заходи, заходи Дмитрий, – подбодрил его Василий. – Давай за сегодняшний день «бабки» подобьем.

Дмитрий сел на стул, вытащил из портфеля тоненькую тетрадь, открыл на нужной странице и приступил к докладу. Его звучный дикторский голос совсем не соответствовал хилой комплекции.

– Сотку баксов мы за сегодняшний день сняли, как и планировали. Внешне все как будто обстоит неплохо. Но есть ряд моментов, я подчеркиваю, пока рабочих моментов, которые мы должны в ближайшее время «разрулить».

– Что за моменты?

– Начну с самого проблемного. Кооператив «Меридиан», который мы уже пять лет «крышуем», переправил по договору за холодильники в Орск кредитные деньги. Деньги в банк поступили, но местная братва их на расчетный счет завода

не зачисляет.

– Как не зачисляет? – Василий не смог скрыть удивления.

– Ну, они подмяли под себя этот банк. И денежки, которые туда поступают, крутят почему зря.

– Да это какие-то беспредельщики.

– Может быть, но факт остается фактом. Если в кратчайшее время ситуацию не изменить, «Меридиан» пойдет с молотка.

– Ясно. Давай дальше.

– Поступили сведения, которые необходимо проверить. На бензоколонке Тихона завелись крысы, а может быть, и сам он стал крысой. Мы договаривались, что он будет нам платить со своих продаж. Если считать по его официальной бухгалтерии, то все сходиться. Но он за прошлый месяц пропустил через свои колонки десять левых бензовозов и ни копейки с них нам не заплатил.

– Он че сука «оборзел»? – перебил экономиста Валек.

– Не знаю, – спокойно ответил на реплику Дмитрий: – Это нам предстоит выяснить. Теперь, на наш кирпичный завод стал плохо поступать цемент. Объясняют это тем, что плохо работает цементный завод. Да, действительно, у них вышла из строя линия. Но все-таки он работает, и цемент отгружается. Значит, мы плохо довели до руководства этого завода, что являемся особыми заказчиками. Это необходимо решить в кратчайшие сроки – наш завод на грани остановки. – Дмитрий сделал паузу. – Теперь что касается наших

внутренних проблем. Наши люди не дорабатывают на «вшивом» и «заводском» рынках, в колбасном цехе у Оганесяна, и в кафе у Рудика.

– Это почему не дорабатывают? – опять не сдержался Василек.

– По кочану. Ты хоть раз сам пройдишь по базару, посчитаешь торговцев и умножишь на их дневной тариф – тогда для тебя все станет ясно. Оганесян большую часть товара продает через левые точки, ты спроси своих парней: они в курсе событий? Или, может быть, догадываются? Только нас за лопов держать не надо. И с Рудиком нужно уже давно изменить условия договора. Брать по тарифу с каждого стула, а не со стола.

– Что еще? – нетерпеливо спросил Василий.

– Пока все.

– А что с этой – «Голубой Лагуной»?

– Разбираемся...

– Что значит разбираетесь?

– Ты же сказал, не трогать их пока. Живут они в центре города. Снимают две квартиры. Директора отдельно от своих помощников. Но, по всей видимости, делятся они не по статусу, а по возрасту и по интересам. Помощники помоложе и понаглее. Мы им подселили двух наших девчонок. Директора поопытнее, возраст у них под полтинник. На близкий контакт не идут. Приходится за ними следить на расстоянии. Провожать от офиса до квартиры и обратно. По все-

му видно – осторожничают. Деньги переводят через немецкий банк в основном валютой по безналичному расчету в Москву. Я так думаю, чтобы не светиться, потому что есть несколько платежей на Кипр.

– Девчонки-то надежные?

– Валек для такого случая подбирал, – перевел стрелку Дмитрий.

– Будьте спокойны, кадры надежные, – заверил Валек. – Мы, между прочим, предупредили, в случае чего, пострадают их близкие родственники.

– И они как преданные жены декабристов прониклись пониманием, – усмехнулся Василий. – Ты учти, когда твоих красавиц эти аферисты объявят собственницами острова в Средиземноморье, они на следующий день позабудут, как их маму и папу зовут.

Василий призадумался, потер рукой шею, затем выпил еще минералки. Казалось, думал он о чем-то далеком. Безразлично посмотрел сначала на экономиста, затем на Валька. Эти несколько минут полного отрешения всегда были тягостными для них. Шеф будто от них куда-то удалялся, глаза его стекленели, и сам он был похож на восковую фигуру. Или живой труп. По телу пробегали мурашки. Те, кто его плохо знал и оказывался рядом в такой момент, испытывали неподдельный страх. Возвращаясь в реальность, Василий формулировал задачу.

– Ты вот что, Дмитрий, предупреди всех, чтобы с этих га-

стролеров из Лагуны глаз не спускали. Найдите и встретьтесь с хозяевами квартир, с местным участковым, поставьте их на прослушку. Используйте все возможные средства. Здесь у нас промаха не должно быть... Сколько они поимели с наших лохов?

– Около миллиона баксов.

– Пока не ясно, под кем они работают...

– А нам это надо? – вклинился в разговор Валек, – Такие бабки упускаем.

– Не трогаем, чтобы в «непонятке» не оказаться. То ли они, действительно, под англичанами «ходят», то ли... ты, Дмитрий, возьми это дело под свой контроль, пусть юристы еще раз посмотрят документы, сам послушай, что соседи про них говорят. Ну, в общем, не мне тебя учить... Валек, завтра с утра езжай в кафе к Рудику. Выпей с ним чашечку кофе, поговори за жизнь и посмотри, сколько стоит стульев у каждого стола. Никаких претензий ему не предъявляй. Заедешь к нему вечером, если стульев окажется больше, чем положено. Сделаешь «предъяву».

– Да я ему завтра без стульев башку снесу. – Валек сжал кулаки и заиграл желваками.

– Без стульев не надо. Это не тот случай. Ты докажи ему, что он не прав, с помощью карандаша и листка бумаги, предъявляя только факты. Я думаю, он тебя поймет.

– Ты из меня скоро математика сделаешь.

– Да нет, я хочу, чтобы ты был не бандитом, а бизнесме-

ном. И вел свой бизнес, строго соблюдая условия договора. Ну да ладно... Тихона завтра нужно будет пригласить на выездную коллегию в загородный дом. И с самого утра. Пусть этим займется Саид. Дмитрий, у тебя от кого сведения про левые бензовозы?

– Тихон за воровство выгнал одного оператора. Но тот с этим, естественно, был не согласен. Вот и рассказал.

– Ты давай завтра возьми с собой этого оператора, и со своими ребятами проверьте бухгалтерию этой бензоколонки. Если тебе нужны бойцы, возьми с собой бригаду Нестера. Здесь ведь только два решения, либо оператору язык отрезать, либо Тихону в цистерне плавать. Затем проверите Оганесяна. На цементный завод пусть поедет Малыш и возьмет с собой Иваныча. Пусть потолкуют с директором. Объяснят ему без всякого нажима нашу озабоченность. Если он не проникнется, придется его за одно место подергать. Если не поймет и это, придется его поменять. Все, давайте на этом закончим. Валек отпуская людей, завтра к восьми часам пусть приедет за мной Серега.

– А что с рынками будем делать? – Валек хотел услышать конкретные указания.

– Это твоя недоработка, вот ты и думай, что делать. Зачем мне такой руководитель, за которого я должен думать?

– С Орском тоже надо решать? – задал в свою очередь вопрос Дмитрий.

– С Орском надо подумать. Сначала надо братве весточку

послать, а потом принимать решение. Ты мне для разговора реквизиты того банка оставь, копию платежного поручения и копию договора.

– Но у них каждый день кредит по мозгам стучит.

Прозорливый и дотошный в работе, Дмитрий вынул из портфеля заранее приготовленные документы и положил на стол перед Василием.

– Пусть стучит. Они когда деньги переправляли, с тобой советовались? Нет. Но тогда о чем базар? Мы им что, пожарная команда, каштаны из огня таскать? На сегодня все. Валек, всех проинструктируй и по домам.

Дмитрий привычно быстро сложил свой портфель, попрощался и вышел из кабинета. Валек в дверях задержался.

– Снайпер, – так он обращался к Василию, только тогда когда оставался с ним один на один, пытаясь выказать особое уважение и подчеркнуть свою к нему близость: – Ты сегодня с кем остаешься?

Василий это прозвище не любил. В устах разных людей оно звучало по-разному, порой даже с издевкой. Но Вальку он эту фамильярность прощал, потому что знал, для того слово «снайпер» созвучно с романтическим детством, которое играло у пацана в одном месте.

– Да... Скажи, чтоб Машка осталась.

– Но сегодня Зинка хотела остаться.

– Пусть обождет, как-нибудь в следующий раз.

– Вась, но она очень хочет. Говорит мочи нету, так хочет

тебя любить.

— Больше она ничего не хочет? Она наказана за свой длинный язык, — Василий стал свирепеть: — В следующий раз не попад пасть откроет, я ей язык отрежу, а чтобы желаний больше не было, члены ей укорочу.

— Да ладно тебе, она баба хорошая.

— Все, я сказал, иди...

Две гражданские жены Василия были друг другу антиподами. Машка — спокойная дородная русская красавица, а Зинка — искрометная верткая амазонка. Обоим было около тридцати, и между собой они были лучшими подругами. Их однажды привел Валек и вот уже года на три они в доме Василия задержались. Поначалу Василий их за своих жен не признавал. У Валька в арсенале таких девиц был целый гарем, не уступающий по красоте наложницам царя Соломона. Но Василий ими быстро пресытился. К тому же его положение, работа требовали особой осторожности. Как бы ты ни скрывал и ни маскировал свои дела, близкая женщина волей-неволей становится их участницей. Серьезный человек не может позволить себе излишества и необоснованный риск, когда на карту поставлено дело и сама жизнь.

Поэтому после отсечки ботвы остались два распутившихся бутона. По сравнению с остальными девицами Мария и Зинаида проявили большее желание остаться рядом с Василием. Родом они из рабочего поселка, приехали учиться на швей-мотористок, жили вместе на квартире, снимая ме-

сто-койку в хибаре городских трущоб. В начале их городской жизни были дни, когда они перебивались с хлеба на воду. По ночам от тоски и безнадёги выли на луну, как озлобленные волчицы. Городская жизнь довела будущих портних до полного отчаяния.

«Наша современная жизнь, – любил повторять Валек, – сделала баб злыми и голодными». Он никогда со слабым полом особо не сентиментальничал. И эти две подружки запрыгнули в его «Мерседес», как в корабль сладостных надежд, без лишнего жеманства.

Две провинциалки в старомодных нарядах, с безобразно раскрашенными лицами, были обречены пополнить отряд несчастных российских женщин, у которых муж или алкоголик, или того хуже, ни к чему не годный субъект.

Девчонки оказались старательными и не в пример другим благодарными. Василий за это щедро одаривал их деньгами и подарками, а потом к ним привязался. Купил им по квартире, по машине, засунул учиться в институт. На его глазах девчонки преобразились. Деньги из крокодила сделают матрешку. Косметические салоны, тренажерные залы превратили их в изысканных женщин. Правда, ради этого благополучия им пришлось переступить через свое Эго: делить между собой одного мужчину. Василий чувствовал, что между ними существует какой-то сговор. Жены уступали и сближались с ним, корректируя свои действия. Вася не придавал этому значения, он любил их обеих одинаково, чтобы просто

удовлетворить свою похоть. В сердце они были для него как родные сестры. А в душе? А на месте души у него давно был только пепел. Пепел сгоревшей любви...

Не успела за Вальком закрыться дверь, в комнату вошла Мария. С длинной косой, благоухая изысканными ароматами. С улыбкой она подошла, присела на ручку кресла, обняла и игриво поцеловала Василия в щеку. Затем провела рукой по волосам и вновь поцеловала.

– Иди, приготовь мне ванну, я еще немного поработаю и скоро приду.

Василий испытал радость от присутствия Маши, сердце его размякло, и он превратился в наивного ребенка.

– Ты знаешь, Васенька, у меня сегодня так голова болит целый день. Я тебя очень прошу, оставь сегодня у себя Зинаиду. Мне просто, честное слово, отдохнуть надо. А Зинаида знает, мы обещаем, что больше такое не повториться.

– Вы у меня хитрые злодейки. И вьете из меня веревки, – Василий не стал спорить: – Ну ладно, скажи, пусть остается.

– Спасибо тебе.

Мария на радостях его расцеловала. И быстро вышла из комнаты, спеша порадовать подругу. Василий, глядя ей вслед, задумался: хрен этих женщин поймешь. Целует вроде горячо. А отдает свое ложе другой. Может быть, конечно, она меня совсем не любит, а может быть, весь мир сдвинулся по фазе?

Зинка вбежала в комнату, упала пред Василием на колени,

обняла и прижалась щекой к его животу. Василий не оттолкнул ее и не приветил. Сидел без движения, абсолютно безучастно. Он чувствовал тепло и дыхание женщины, но не хотел показывать свою мужскую слабость. Зинка как будто читала его мысли, подняла голову с полными слез большими карими глазами и тихо попросила: – Прости меня, пожалуйста. Я больше никогда так не буду делать.

Она захлюпала носом и, чтобы скрыть свои слезы, плотнее прижалась к Василию. К такой эмоциональной атаке он был явно не готов. Молча положил руку на голову жены, провел по ее черным шелковистым волосам, отчего она еще сильнее разрыдалась.

– Ну, все, все успокойся. Сама виновата. Мелешь своим языком, что ни попади. Тебе уже давно его надо отрезать, так всем лучше будет.

Зинка покорно закивала. Она была согласна на все.

– Иди всех проводи и приготовь мне ванну. – Тем самым Василий показывал, что жена прощена.

Зинаида отвернула опухшее от слез лицо и быстро вышла из комнаты.

Василий откинулся в кресле и стал обдумывать сложившееся положение дел. В данный момент он считал, что в них нет ничего трагичного. Обычная рутинная работа, которая требует кропотливого серьезного подхода. Это просто жизнь со своим разнообразием проблем. С годами она каждого человека заставляет становиться мудрым и не вздрагивать при

каждой сложной ситуации. Василий научился справляться с обстоятельствами. Единственным, как он считал, слабым его местом оставалась память. В минуты душевных тревог его мысли невольно возвращались в далекое прошлое, в далекую и, казалось, забытую жизнь. Нет, он не сетовал на судьбу. Что случилось, то и случилось. Ничего уже изменить нельзя. Ему повезло, он выдержал. Не сломался под ударами судьбы, как многие. С достоинством перенес адские душевные муки. словно пропустил через себя ток высокого напряжения, который возродил его в ином качестве. Видно, так на роду ему было написано. Василий надеялся, что он со всем справился. И получил за это заслуженную награду. Теперь ему только оставалось благодарить судьбу...

В первые часы, дни после убийства Петьки, ранения Солодовникова и захвата заложников Василий не сомневался, что наше «гуманное» правосудие обеспечит ему высшую меру наказания. С этим приговором он был согласен и желал лишь одного – скорейшего его исполнения. Тогда Василий не думал о Петьке, о Солодовникове, о своей распутной жене Светке. Он думал о той боли, которую причинил близким людям. Своей маленькой дочери, престарелым родителям, которые должны были жить с клеймом: родственники убийцы. В тот момент Василий ни с кем не хотел видеться. Не было у него нужных слов раскаяния, не было и оправдания своему поступку. Это потом, когда его отпускали поочередно на похороны родителей, он их ранний уход напрямую связы-

вал со своим необдуманном поступком. Просил последнее прощение, все отчетливее понимая, что вместе с Петькой он расстреливал свою душу.

Его начали избивать уже в машине, препровождая с места происшествия в следственный изолятор. Два зарвавшихся молодых лейтенанта Голобоков и Постнов, видимо, снимали стрессовое состояние. Василий не сопротивлялся, воспринимал яростный мордобой как само собой разумеющееся. О своем здоровье он в тот момент не думал, поэтому, наверное, боли не чувствовал. В одиночной камере следственного изолятора молил о скорейшей смерти, и этот это заглушило до утра нестерпимую душевную боль. Утром он подписал все записанные с его слов протоколы, хотя и не всегда понимал, о чем ему говорил следователь.

Судьба порой над нами глумиться. Она безжалостна, понимал Василий, ее веления беспрекословны, и напрасно пытаться что-то изменить. Уже поздно, может быть, лучше подумать о будущем. Сколько Василий не буйствовал, не бравировал перед блюстителями закона, не отказывался от пищи, не отклонял предложенные кандидатуры адвокатов, высшую меру наказания не потребовал даже сероглазый прокурор. Хорошие отметки и характеристики в личном деле обеспечили ему заключение по общему режиму. Василий не понимал, что происходит, он ведь уже простился с жизнью. Зачем ему этот дополнительный, трудный шаг с того света? Все с ним происходило как во сне. Только от это-

го жуткого кошмарного сновидения невозможно было избавиться. Сначала Вася даже искал экстремальный случай, чтобы приблизить свой печальный конец, думал перерезать вены, отравиться, погибнуть в драке. Сокамерники признали его сумасшедшим: еще бы, он буквально кидался на всех, не прощая мелочных обид. В его глазах была смерть, пробирая всех холодом от пят до кончиков волос. Только сам он ее не видел и даже не догадывался, глядя на бледнеющие лица блатных и отморожков.

Как оказалось, для человека труд – вдохновенный, самозабвенный и результативный труд – это спасение от невзгод и депрессии. Нашлись в цехах колонии свободные станки, конечно, не такие точные, как в институтских цехах, но работать можно. Ведь и заказы самоокупаемая колония выполняла самые простые, не требующие космической точности. Василий покрутил сначала одну ручку, затем другую, подумал: жить как-то надо – и втянулся в работу. «Золотые» руки мастера востребованы во все времена.

И все бы ничего – сносный быт устраивал, блатные не трогали. Начальство и мужики выказывали уважение. Да вот только не давал покоя Василию дух проклятого Петьки. Обычно он приходил к нему ночью во сне. То жалостливый, с одним лишь вопросом: «За что ты меня так? Я ведь только смеялся над тобой...» Грустные Петькины глаза были полны слез, а голос казался чужим – тихим и дрожащим.

А иногда он среди ночи, смеясь, врывается в его душу: «Ну

что, многого ты добился, убив меня?!» Это был настоящий Петька, которого Василий хорошо знал и не мог забыть.

Сердце в ночи сжималось от боли, и он просыпался. Открывал глаза и пытался понять, явь это или сон. Долго лежал, собираясь с мыслями. И самому себе отвечал: конечно же, ничего он не добился и ничем не может быть оправдано убийство человека.

Эта боль откровения, вместе с Петькиным духом, иногда и днем врезалась ему в сердце жгучей болью. Тогда он останавливал станок, садился на стул и пытался отогнать мрачные мысли, которые тянули его в бездонную пропасть. Он будто стоял на ее краю. Судьба не дала ему в нее упасть, значит теперь нужно постараться удержаться самому.

Много людей прошло тюремную школу, со многими Василию довелось познакомиться. Хотел он этого или не хотел, выбирать ему не приходилось. Спекулянты и взяточники, грабители и убийцы всех возрастов и сословий олицетворяли оборотную сторону советской жизни. Ни с кем Василий тесную дружбу заводить не хотел. Во-первых, не умел дружить, а во-вторых, ничего общего у него с этими людьми не было и быть не могло. Так, по крайней мере, ему казалось. Он оставался одиночкой, он один стремился отстоять свою честь и достоинство в любых условиях, и во что бы то ни стало. Поэтому, наверное, многие мужики прониклись к нему уважением. И бывали случаи, когда они просили Василия разрешить их бытовые споры. Но быть арбит-

ром нелегкая задача и всегда ответственная, поэтому он почти всегда брал самоотвод. Ведь спорщики подчас ставили на кон свою честь, которая в застенках слишком дорого стоит. Самые, казалось бы, пустяковые споры кончались трагедией.

Размышляя о своей жизни, Василий пытался проанализировать и понять, в чем ее суть. Что помешало ему тогда стать счастливым человеком? Где он ошибся? И есть ли искупление его вины? Но, к сожалению, ответа не находил. Одно лишь он усвоил, ответа ему никогда не найти в учебниках марксизма-ленинизма. Раньше как бы об этом Василий не задумывался. Не обращал внимания на лозунги и призывы партии: пятилетку в три года, экономика должна быть экономной, партия наш рулевой. Был всегда к ним равнодушен. Но время не терпит равнодушия и долго не может ждать от нас ответа на поставленные жизнью вопросы. Василий постепенно начал задумываться над тем, что истинные ответы надо искать в других учениях. Он стал анализировать свою жизнь и приходил к выводу, что происходящие события в большей степени зависят не от внешних факторов, а от внутреннего состояния человека, его духовности. А иногда и попросту являются зеркалом его души. И Василий от этого открытия содрогнулся. Ведь он-то в свою душу за всю жизнь ни разу не заглядывал...

Василий прервал свои мысли. Достал из тумбочки стола записную книжку, долго листал, медленно переворачивая

страницу за страницей, пока не нашел нужного ему адреса и телефонного номера. Посмотрел на часы, обдумывая, звонить ему сейчас или отложить звонок на следующий день. Для воспитанного человека все сроки приличия для подобного поступка уже давно прошли, но жизнь делового человека под стандарты не подпадает. Упущенные часы и минуты зачастую оборачиваются потерянной выгодой. Поэтому после небольших колебаний Василий постучал по кнопкам телефона и стал ждать ответа.

– Да, – наконец на другом конце провода ответил мягкий мужской голос.

– Здравствуйте, это Понкратов, – Василий не стал называть абонента.

– Слушаю тебя, Василий.

– У меня небольшие проблемы.

– Слушаю тебя, – повторили в трубке.

– Есть кооператив «Меридиан», он переправил в Экономбанк города Орска большую сумму денег за холодильники. В банке возникли проблемы с зачислением денег на расчетный счет. Эту проблему необходимо решить как можно быстрее. Иначе мы потеряем предприятие, которое нас кормит.

– Мне необходимо знать точные координаты банка, номер платежного поручения и число, когда оно было отправлено.

– Записывайте, – Василий сообщил все необходимые данные.

– Записал, что еще?

– Пожалуй, все.

– Как у тебя идут дела?

– Да, в общем-то, неплохо.

– Как Лагуна?

– Под контролем.

– А как движется наша научная работа?

– Да пока никак.

– Это плохо. Запомни, Василий, тебе нужно реализовать свое предназначение в жизни, все остальное, поверь мне, херня. Так что не забывай об этом. Если тебе нужны дополнительные средства, скажи, не стесняйся, мы скупиться не будем.

– Да нет, спасибо, Альберт Станиславович, дело не в деньгах.

– А в чем?

– Пока не знаю.

– А кто знает, Василий? Пора нам встретиться и обсудить этот вопрос.

– Встретиться можно. Только где и когда?

– Я завтра приеду в твой ресторан пообедать.

– Приезжайте. Только завтра на обеденный час у меня уже запланирована встреча. – И Василий пояснил: – Из Красноармейска давний друг должен приехать.

– На который час у вас запланирована встреча.

– Точное время не оговаривалось.

– Ну, тем более, если мы придем одновременно, я закажу себе еще несколько блюд, и буду ими наслаждаться.

– Все шутите?

– Да нет же, в твоём ресторане действительно хорошо готовят. Так что ты молодец, что смог все организовать. Давай до завтра. Береги себя, Василий.

– До свидания, – произнес Василий, когда в трубке уже раздались короткие гудки.

Он буквально кинул трубку. От разговора с Альбертом в душе вновь появился неприятный осадок. Все, что в жизни Василий имел, чего достиг, всем от начала и до конца он был обязан этому человеку. И, тем не менее, он для него был неприятен. Альберт оставался для него чужим, беспресловенно повелевающим, подавляющим его сознание, его психику и нервную систему. Василий это понимал и, наверное, от этого ему становилось не по себе. У него было чувство, будто в его не подготовленную к атаке бесов душу вылили ушат помоев, и теперь ему предстояло их переработать. В такие моменты его тело сотрясала дрожь, и он долго лежал в ванной, будто смывая с себя грязь или негативную энергию, повторяя много раз вслух и про себя: «Господи помоги!»

Когда неприятный черный осадок в его душе начинал растворяться, он мог дальше жить и работать.

После разговора с Альбертом, Василий стоял под холодным душем до тех пор, пока тело его не стало содрогаться от холода. Этот озноб он никак не мог остановить, растирая

тело полотенцем.

– Да ты с ума сошел, – Зинка в очередной раз прикусила язык, но, видя, что ее выпад остался не замеченным, накрыла Василия одеялом и сама прижалась к нему разгоряченным телом.

– Разве можно так долго стоять под холодной водой?

Василий молча переносил болезненный холод. Эта боль как очищение была намного приятнее душевных мук, которые подавляют волю и разум.

Зинка в отличие от Марии была энергетическим вампиром. И Василий в минуты вспыльчивости и несдержанности легко отдавал ей все негативные эмоции. А эта дуреха, ничего не замечая, перемалывала весь смрад своей душой. Но вместе с негативными эмоциями она неосознанно забирала душевные силы Василия. После сладкой ночи с Зинкой ощущалась усталость, в такие часы и минуты Василию было необходимо общение с Марией, в которой находился неиссякаемый источник жизни. В нем Василий утопал и черпал вновь жизненную энергию и силы. Он и сегодня мечтал прижаться к ее округлостям и без памяти погрузиться в сладкий освежающий сон. Однако проявил слабость, за которую в душе себя корил. У него, честно говоря, не было сил ублажать сегодня похоть жены. Так говорило его сознание. Но, когда он ощутил рядом с собой горячее, полное желаний женское тело, разум его притупился. Прикосновения ароматных губ и нежных, любящих рук пробудили восхитительные и в тоже

время низменные инстинкты. Василий не старался их победить. Он парил и улетал в экстазе.

Почему же такие отношения не сложились у него с первой, законной женой, с которой, у них был общий ребенок? С женщиной, которую он по-настоящему любил и любит до сих пор. Он готов был все ей простить и бросить к ее ногам все, что имел.

А что он тогда мог бросить? Квартиру, жалование и свою рабочую честь? Чтобы обладать такой женщиной, этого было слишком мало.

Когда ему сегодня доложили, что пришла на прием Светлана, он сначала не поверил, а затем испугался. Испугался как тогда, много лет назад. Эти чувства вернулись к нему, и он ощутил свою слабость перед этой женщиной. Он опасался, что Светка распознает его мягкотелость. Он боялся вызвать у нее отвращение. И он просто отказал ей в аудиенции. Но он знал, что если его жена что-то надумала, она обязательно добьется поставленной цели, а значит, встречи с ней ему не миновать. Так и произошло.

Он успешно справился со своими чувствами. Светлана хоть и следила за собой, но молодым женам Василия в красоте сильно уступала. Возраст все же берет свое.

Встреча прошла успешно – он не дрогнул перед женой. Василий заранее подготовил себя к мысли, что Светлана для него посторонний человек. Связывает их в жизни только общий ребенок. Однако ведь и ребенка она оградила от него,

и Василий смирился с тем, что дочь для него навеки потеряна.

Еще находясь в заключении, он продолжал надеяться и верить, что наступит такой момент, когда жена и дочь вспомнят про него, будут нуждаться в нем. И тогда он сделает все возможное и невозможное, если понадобится, перевернет весь мир. Задавит и задушит любого, кто станет на его пути. Именно эти чувства помогли ему выжить, стали определяющими в выборе дальнейшей судьбы. Превратили его из простого работяги в авторитета преступного мира. Там, за колючей проволокой, он прошел суровое испытание духа. Не мог он жить по-прежнему, потакая чьей-то воли, чьим-то капризам. Он уже сделал один безумный шаг, чтобы вырваться из плена. Обратной дороги у него уже не было. Да и терять уже, по большому счету, было нечего. Пусть лучше его забьют насмерть, чем терпеть унижения всю оставшуюся жизнь.

Когда перед этапом на зону его из одиночного изолятора поместили в общую камеру, там на него была полная информация. Никто его не тронул.

В ожидании суда и приговора Василий пережил долгие месяцы под гнетом переосмысления своей жизни. Либо ему нужно было научиться жить заново и находить в самом процессе жизни радости. Либо все отпущенное ему земное время мучиться и искать ее смысл. После нескольких его попыток покончить жизнь самоубийством, к нему на свида-

ние пришел Альберт. Кто он такой? Какой-то парапсихолог. Василий до сих пор в толк не возьмет как так случилось, но Альберт нашел нужные слова, чтобы вселить уверенность.

– Не нужно отчаиваться, Василий. Поступить иначе ты не мог и не должен был. Ты защищал свою честь. Без чести ни одна тварь на земле не может прожить достойно. Даже примитивная амеба, – мягкий вкрадчивый голос Альберта бальзамом оросил душевные раны. – Если бы тебе еще раз представилась такая возможность, ты поступил точно так же. Не правда ли?

Василий молча кивнул.

– Тебе нужно идти по жизни дальше, не оглядываясь назад. Идти и постигать новые вершины, перейти в иное качество для того, чтобы быть готовым к достижению этих вершин. В том прежнем состоянии высокие задачи были тебе не по плечу.

– Куда идти – в тюрьму? – Василий будто задавал вопрос самому себе.

– Да, в тюрьму. И там люди живут и находят радости. В данный период жизни, к сожалению, другого тебе не дано. Мы тебя поддержим и обеспечим достойные условия твоего содержания.

– И что вы от меня за это хотите? – отрешенно спросил Василий.

– Пока ничего. Я представляю интересы одной организа-

ции. Мы знаем, что у тебя есть хобби и хотели бы с тобой в этой области в дальнейшем сотрудничать.

– И что у вас за организация?

– Тебе это знать ни к чему? Спокойней спать будешь. Могу только сказать, что это организация с грифом секретно.

– А если я скажу нет?

– Тогда будешь идиотом, которого жизнь учит, учит и никак ничему не научит. Можно в скором времени увидеть свою жену и дочку, а можно сгнить в тюремных казематах, всеми забытым.

Воспоминания о жене и дочке больно кольнули сердце. Василий будто опомнился:

– Да согласен я, согласен. Только так и не пойму, что вам от меня нужно?

– Только дисциплина и послушание, а остальное предоставь нам, мы сами все для тебя устроим.

Глава третья

Придурок

Кридин, нарушив свои традиции, задержался на работе дольше обычного. Он терпеливо дождался, когда над городом нависнут сумерки, и под их покровом он попытается затеряться среди праздно гуляющих горожан.

Ему хватило несколько секунд, чтобы оценить обстановку на улице, и он, как разведчик, изменив походку, двинулся к автобусной остановке.

Обычно Кридин возвращался домой на автомобиле. Но сегодня возле него, как на ответственном посту, стояли два молодчика. Александр Григорьевич понял, что это не случайное совпадение и решил возвращаться домой пешком, выбирая из двух зол меньшее: лучше остаться без автомобиля, чем без головы. Колени его тряслись, лоб покрыла испарина, глаза остекленели и губы вздрагивали от мольбы: «Господи помоги!»

В Бога Александр Григорьевич никогда до этого не верил, да и теперь произносил свою просьбу, не вкладывая в слова должного смысла. Поэтому, наверное, его просьбу не удовлетворили. Когда он отошел от проходной сто метров и, чтобы снять напряжение, решил передохнуть на скамейке в павильоне остановки, там его уже ожидали. По всей видимости,

это был пост номер два. Один гоблин направился к Кридину, другой вышел в зону видимости своих подельников, засунул в рот два пальца, свистнул, затем показал пальцем в сторону Кридина. Убедившись, что его слышали и увидели, пошел и сел на скамейку возле Александра Григорьевича. Через три минуты к остановке подъехали две машины с затемненными стеклами – «Нива» и «восьмерка». На глазах у знакомых сотрудников института, коллег по работе, бледного от страха Кридина здоровенные парни взяли под руки и втолкнули в машину. Александр Григорьевич не сопротивлялся, даже постарался сделать вид, что это всего лишь запланированная, рабочая поездка. Кричать и просить о помощи, было бесполезно. Герои пали на поле брани или просто вымерли. Кридин понимал, что в глубине души коллеги по работе считают его выскочкой, человеком, не заслуженно добившимся положения в обществе, и заранее предрекают ему незавидную участь. Кричать и просить о помощи – только радовать и тешить их самолюбие.

В салоне автомобиля громко играла музыка, пахло новенькой обшивкой и винным перегаром, которым на него дышали поочередно то с одной, то с другой стороны. На переднем сиденье машины сидел пожилой мужчина, добрый и веселый. Он, как и парни, был немного под хмельком, но в отличие от них находился в прекрасном расположении духа. Ведь алкоголь на всех действует по-разному. Самым суровым выглядел водитель. Выпить за рулем ему не позво-

ляла трудовая дисциплина, которая, видимо, каралась не записью в трудовой книжке, а телесными наказаниями, поэтому он скрипел зубами, цепким взглядом выхватывал дорогу и давил на газ. Александр Григорьевич получил пару ударов под ребра и совсем потерял силу духа. Он только понимал, что молить о пощаде этих людей бесполезно.

– Ты, что же это, дорогой наш человек, уехал от нас не попрощавшись? – старичок, задал вопрос Кридину, как старый закадычный друг, с улыбкой на губах и восторженным блеском в глазах.

Бледный Александр Григорьевич, молча, сидел, стиснутый двумя парнями и запоминал дорогу, по которой его увозили. Страшные мысли крутились в его голове. Что теперь будет? Куда его везут? Суждено ли будет ему остаться живым? Будучи человеком мягким и ранимым, он конечно пытки не выдержит. И будто в подтверждение этой мысли он получил сбоку еще один болезненный удар в область печени.

– Ты чё, придурок, молчишь, когда тебя спрашивают? – гоблин по имени Санек был суров. Сидевший с левой стороны парень по имени Павлик тоже замахнулся для удара, но в последний момент пожалел свой кулак и лишь провел им по холеной щеке Кридина – в назидание быть дисциплинированным и учтивым.

– Мы куда едем? – со страха спросил Кридин и тут же получил еще один удар в бок.

– Щас увидишь, придурок...

Придурком Александра Григорьевича никогда никто не называл, это обращение для него было оскорбительным, тем более от людей, которые вдвое его моложе и менее образованы. Но в данном случае с этим обращением он мирился. А кто же он еще, если попал в такую ситуацию?

Выехав на окраину города, машина свернула в сторону гаражного кооператива. Проехала несколько рядов строений, свернула на нужный ей уровень и вскоре остановилась возле двухэтажного гаражного бокса. Кридина за шиворот вытащили из машины, хотя он и не сопротивлялся, и пинками затолкали в гараж. В боксе было сумрачно и пусто. Павлик пошел в угол бокса и открыл крышку подпола.

– Давай сюда...

Кридин понял, что обращаются в первую очередь к нему, и не стал дожидаться воспитательных тумачков, он подошел к Павлику и после его едва уловимого кивка головы, поспешил спуститься вниз по лестнице. Вслед за Кридиным спустились и парни. Кто-то из них щелкнул выключателем, и подвальная комната озарилась светом. Кридин не успел осмотреться, как Санек пристегнул его наручником к каретке железной кровати, одиноко стоявшей в углу и пояснил:

– Слышь, придурок, мы пока свет оставим включенным, чтобы тебя крысы не съели. Ты посиди, подумай, а завтра мы приедем, и ты нам точно скажешь: когда и где ты отдашь нам деньги.

– Какие деньги? – Кридин будто не понимал, что от него

требуют.

– Как какие? Твой долг перед заводом. Или ты уже о нем забыл? Из-за тебя, придурок, люди несколько месяцев зарплату не получают, еле-еле концы с концами сводят, а ты тут жируешь и еще фуффло нам гонишь. Гони деньги, понял! Не отдашь, я тебя лично пришибу, как таракана.

– Эй, эй, малыцы, давай наверх, не заводитесь там, – слышался сверху голос старичка-боровичка, которого гоблины звали по-отечески Егорычем.

Парни не посмели его послушаться, дали Кридину по пинку и поднялись по лестнице. Павлик, как будто в раздумье, наклонился в проеме лаза и пояснил:

– Слышь, чудило, мы крышку закрывать не будем, чтобы ты не задохнулся, но если, что выкинешь, сам понимаешь, мы тебя на куски порежем.

Кридин ничего не ответил. Через пару минут он остался один, прицепленный к кровати. Наручник больно сжимал его запястье, рука начала отекать, но разве могло это сравниться с душевной болью, которая доводила до отчаяния, а состояние безысходности рождала мысли о самоубийстве.

Нет, Кридин не считал себя слабаком, он будет бороться до конца, и эту мысль о суициде легко отогнал. Он только хотел понять: как он всегда ловкий изворотливый человек мог попасть в такую глупую ситуацию? И даже не столько глупую, сколько драматичную.

Случайно? Но каждая случайность, входит в цепь законо-

мерностей. Что он не понял, не увидел? Что за испытание ему предстоит пройти? При всем своем верхоглядстве Кридин понимал, что нынешнее стечение обстоятельств – плод его мыслей и поступков.

И какого хрена, он поддерживал эту «перестройку»? Что ему не жилось спокойно? Он ведь всегда был человеком, уверенным в завтрашнем дне? Он умел радоваться жизни. Любил ее, и она отвечала ему тем же. Что заставило его изменить свои принципы? Стать мечтателем, и в свои сорок лет поверить в посулы мошенников и провокаторов. Ну, как же, хотелось попробовать силы, как говаривал Боря Гликман, в махровом капитализме, в жесткой конкурентной борьбе, где обязательно есть победители и побежденные. Вот и попробовал. А ведь в период перестройки каждый инженер был уверен, что победителем будет именно он.

На что он надеялся?

Кридин пошевелил затекшей в наручнике рукой, испытывая от этого боль. Он стал оглядывать подвальное помещение. Просторный бункер, добротно сложенный из железобетонных блоков и плит перекрытия, дышал могильной сыростью. Прикрепленная к потолку электрическая лампочка тускло освещала клочок подполья. Стояла мертвецкая тишина. Кридин ощутил дрожь во всем теле. То ли от страха, то ли холода его стал пробивать озноб. Прикованный к кровати, он сделал несколько маховых движений свободной рукой, но большого облегчения от этого не испытал.

Для того чтобы согреться, он встал и сделал десять приседаний. Затем уселся на кровать и стал размышлять.

Время подходило к десяти часам, значит, дома его уже спохватились. В милицию Алевтина вряд ли побежит, Кридин приучил ее к бессонным одиноким ночам. Но все-таки узнать, где он и что с ним, она постарается.

Напрасно он изображал из себя благородного рыцаря, усаживаясь с бандитами в машину. После такого фрайерского поступка, его могут уже никогда не найти. И от этой мысли комок подступил к горлу, и сердце сжалось от страха, и предательская слеза затмила глаза. Вся жизнь промелькнула в его воображении, точно самые душещипательные эпизоды художественного фильма под названием жизнь. Неужели он должен с ней расстаться из-за каких-то бумажек? Вот так бесследно, бесславно исчезнуть, чтобы никто даже не узнал, где? Кридин горько усмехнулся. Только бы не свихнуться в этом подвале. Сколько ему еще предстояло здесь просидеть? Час, два, сутки или неделю, а может быть год? У Кридина вновь сжалось сердце. Нет, год он не выдержит. Впрочем, кормить его целый год, по всей видимости, никто не собирался. А без еды сколько он проживет? В животе громко заурчало, и Александр Григорьевич вспомнил, что сегодня не обедал. Все необходимо надо всегда делать вовремя. А он этому никогда не придавал значения.

Хуже было другое. Некоторым вещам он придавал особое значение, однако поступал вопреки своим принципам

или просто их игнорировал. Сколько раз он давал себе слово никогда не иметь дел с Чаплыгиным. Почему? Он сам себе не мог точно объяснить. Кридин чувствовал нездоровую ауру этого человека, которая, как магнит, притягивает к себе злополучные ситуации. К подбору своих компаньонов Александр Григорьевич всегда относился с особой щепетильностью. Сколько раз Чаплыгин просился в его творческий коллектив, но всегда получал от Кридина отказ. Но в последний раз Кридин потерял бдительность. Условия, предложенные Чаплыгиным, высветились в голове шестью нулями и легко сломили все сдерживающие факторы. Кридин забыл первое правило бизнесмена: бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Красноармейский завод ради приобретения агрегатных станков для своего производства согласен был на любые условия. Кридин, чтобы не отпугнуть заказчика палку не перегибал: поднял цену до уровня импортных аналогов (хотя с чем его мифы-станки можно было сравнивать), взял полугодовой срок выполнения договора и предоплату в пятьдесят процентов. Хорошо отблагодарил главного инженера. И с чувством выполненного долга, они с Чаплыгиным авансовые денежки раза три успели прокрутить, причем, играя только на одной бешено скачущей инфляции. Купили ВАЗовские автомобили по сто тысяч, через месяц они стали стоить сто пятьдесят тысяч, а еще через месяц уже двести сорок тысяч рублей. Но и этого им с Чаплыгиным показав-

лось мало. Они сделали сравнительный анализ удорожания отечественных машин. На калькуляторе посчитали коэффициент инфляции и повысили общую сумму договора на поставку станков почти в два раза. От такой успешной сделки у любого голова закружится. Так что Кридин тогда не хотел думать о последствиях.

Единственным тревожным звоночком для него была матерная брань интеллигентного с виду главного инженера Красноармейского завода после того, как тот увидел распакованные из деревянных ящиков агрегатные станки. Кридин и сам удивился. В пылу азарта он понадеялся на свой отлаженный коллектив и не проверил качество ремонтно-восстановительных работ, а коллектив, как оказалось, в самый ответственный момент дал сбой. В результате его халатности станки, вынутые из упаковки, походили на кучу металлолома. На некоторых станках даже была ободрана краска. На одном крепилась деталь и была не убрана стружка. Кридин тогда вывернулся:

– Вот видите, специально для вас обкатывали станки.

Но он понимал, что у главного инженера просто нет сил скандалить с ним и спорить.

Инфаркт разбил руководителя технической службы чуть позже, когда завод стал осваивать поточную линию, в которую входили сразу три агрегатных станка. В этот момент для Кридина и наступили неприятности. Институт стали забрасывать грозными письмами. А руководство института

и знать ничего не знало. Какие станки? По какому договору? Чаплыгин прочувствовал ситуацию и слег в больницу с очередным приступом хитрости. Да, деньгами он пользовался, зарплату получал, но свою работу Владимир Алексеевич выполнил в полном объеме, за это и поимел денежное вознаграждение. Он нашел заказчика, договорился о сделке, все остальное его не касалось. Какие к нему могут быть претензии? Вся ответственность по внедрению агрегатного оборудования лежала на Кридине и он должен был нести ее в полном объеме.

После того как станки по ожидаемой схеме не заработали, Кридин предложил руководству заготовленный и отштудированный до стихотворения компромисс. Такой, чтобы при выходе из пикантной ситуации сторонам остаться при своих интересах. Деревенский мужичок – директор спокойно ответил «нет» и пригласил по селекторной связи в свой кабинет заместителя директора по экономической безопасности. От такого поворота событий в груди Александра Григорьевича что-то екнуло, а когда в кабинет вошел средних лет мужчина с армейской выправкой, то и и укнуло. Тот попросил Кридина пройти с ним в соседний кабинет и там быстро и четко объяснил ему его права и обязанности. Либо станки работают в соответствии с начальными договоренностями, либо возвращается стоимость станков плюс процент за каждый день использования в своих меркантильных интересах денежной массы. Александр Григорьевич хотел было отшту-

титься, но новый куратор и новый партнер его юмор не понял. Глядя на Кридина мрачными стеклянными глазами, он заверил:

– Пока не будет ясного решения – ты с завода не уедешь.

На лице Александра Григорьевича слащавая улыбка неожиданно застыла, и в печальном раздумье Кридин бессознательно спросил:

– Как же так?

– А так, мы тебе станок стальным проводом к ноге привяжем, и будешь сидеть возле него, пока не заработает.

В это время в кабинет заместителя директора вошли два парня. Оба в ярких спортивных костюмах, высоченные, широкоплечие, кулаки размером с гандбольный мяч. Они сели напротив Кридина и просверлили его вызывающе-презрительными взглядами. От этого у Александра Григорьевича закружилась голова и начало подсасывать под ложечкой. Он хотел что-то пояснить, сказать в свое оправдание, но понял, что может лишь усугубить сложившуюся ситуацию. Этот – по экономической безопасности -удав читал его мысли с опережением и к тому же видел все ходы с высоты птичьего полета. Кридин замолчал, и наступила минутная пауза.

– Ну, так что, будем деньги возвращать, – заместитель директора заглянул в лежащую перед ним шпаргалку и обратился конфиденциально: – Александр Григорьевич, или дурака валять?

– Мы заберем станки по их остаточной стоимости, – Кри-

дин решил пояснить свою позицию не только генеральному директору, но и его заместителю. – Они, к сожалению, не вписываются в ваш технологический процесс.

– Ну да?! Ты себе гуся или барана на базаре купи. Сядь возле него и мозги ему пудри. Понял?! А нам это не нужно. Правильно я говорю, парни? Приехал какой-то черт, забрал наши денежки и теперь держит нас за ослов или баранов.

– Че с....? – ноздри у парней раздулись, от негодования заработали желваки и стало ясно, что они в любую секунду готовы пустить в ход свои пудовые кулаки.

Но команды не было, и они аккумулировали свою агрессию в ненавистных взглядах к потенциальному. От этого она становилась еще страшнее.

Мужики, зачем раздувать кадила? В данный момент у меня с собой ни денег нет, ни специалистов. Я приехал, чтобы урегулировать все наши вопросы. Как мы решим, так и будет. Деньги? Значит – вернем деньги. Станки? Значит – будем доводить их до ума.

Кридин понял, что самым важным для него моментом в данном случае является отъезд из этого захудалого городишки, чего бы то это ему ни стоило. А затем он пойдет в правоохранительные органы и напишет заявление на такое самоуправство. Деревню надо учить. И от правильно принятого решения Кридин вновь почувствовал уверенность.

Давайте подпишем протокол о разногласиях и начнем исправлять ситуацию.

Да нет, – перебил его Александр Иванович, – ты нам сейчас напишешь расписку на пятьсот тысяч рублей, то есть на стоимость авансового платежа и укажешь процент неустойки за каждый день недопоставки станков. И наш местный нотариус эту расписочку заверит. Надеюсь, возражений никаких нет?

Я подписывать документы не имею права. У меня нет таких полномочий, – стал выкручиваться Кридин.

Мы их тебе дадим, – прервал его заместитель директора. Это произвол, я буду жаловаться.

На кого ты будешь жаловаться, на себя? Жалуйся. Мы можем тебе в этом помочь. И свидетелей в нужном количестве суду представить...

Ночью Кридин убежал через окно рабочего общежития, где администрация завода выделила ему отдельную комнату и поставила охрану до выяснения всех обстоятельств дела. Комната располагалась на третьем этаже, и члены заводской команды не могли предвидеть таких смелых и отчаянных шагов от городского интеллигента. После того, как он в душевной беседе споил охранника, можно было воспользоваться парадным выходом, но Александр Григорьевич настолько был напуган, что не хотел рисковать своей дальнейшей судьбой, и предпочел рисковать здоровьем. Связал портьеры и простынь, привязал их батарее и с их помощью спустился вниз, предварительно выбросив из окна свой портфель.

Сколько страху он натерпелся! Ночью, в незнакомом городе, похожем на деревню, где все друг друга знают, ведь и в милицию не пойдешь. Со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Единственное спасение в ту ночь Кридин отчетливо слышал в стуке колес проходящего поезда. Он его не видел, шел лишь по наитию в сторону удаляющегося состава. И вышел на захудалую станцию, где проходящие поезда замедляют ход всего лишь на одну минуту. Но этой минуты Кридину оказалось вполне достаточно, чтобы забраться в вагон. Проводницу долго уговаривать не пришлось. Кридин в свои сорок пять оставался обаятельным мужчиной. У него хватило сил и мужества улыбаться и острить, и даже обнять свою грузную спасительницу. Но стоило ему со своим портфелем забраться на вторую полку плацкартного вагона, как все события минувшего дня вновь пронеслись в его сознании. Он испытал жуткий страх от сложившейся ситуации.

Этот страх не проходил три недели после возвращения из командировки. Не прошел и сейчас. Александр Григорьевич неожиданно для себя вдруг сделал открытие, что он дожил до определенного рубежа своей жизни, который в простонародье называется пожилым возрастом. Отличительной чертой этого возраста являются болезни, возникающие без видимой причины. После поездки у Кридина болела душа, а все нервы от пят до кончиков волос как будто превратились в оголенные электрические провода. В другое время он бы сказал себе: «Да переживать-то не из-за чего... Подумаешь

ерунда...»

Впрочем он и теперь пытался говорить себе то же самое. Да вот побед становилось все меньше и меньше. И он все чаще вздрагивал без причины: от телефонного звонка, от стука в дверь, от пьяного окрика алкаша на улице...

Вся эта история с Красноармейским заводом, Кридин это чувствовал, будет иметь продолжение. И как его избежать, и на что можно надеяться? Он оказался заложником ситуации, в которую сам же себя и загнал. Выход из нее был один – платить по счетам. Причем может случиться так, что платить придется по всем счетам – за все годы мошенничества. От такой перспективы его тело встряхивал очередной электрический разряд. После чего наступала усталость, а затем опять приходило отчаяние.

Кридин будто попал в западню, в умело расставленную ловушку, из которой не знал, как выбраться. Он прекрасно понимал, что все в этой жизни зависит от самого человека, его душевного состояния, от настроения на ту или иную ситуацию, от отношения к жизни и к происходящему. Но понимать и философствовать об этом, находясь на гребне волны житейского благополучия и поучать других – это одно. И совсем иное, когда судьба усмехнется и задаст задачку на экзамене жизни. У нее ведь свои задумки на ваш счет. Отметки она ставит бескомпромиссно. Времени для решения отпущено сколько угодно, только жизнь отмеряет человеку пустые и горькие дни, недели, года. За вовремя не решенной задач-

кой обычно следует еще одна в виде ударов судьбы и так далее. Только успевай поворачиваться.

Слетел с колеи и топчи всю жизнь бездорожье.

Кридин в числе первых ощутил не радужные перспективы кардинальных перемен, происходивших в стране. Сколько раз он ломал голову, пытаясь понять суть проклятия китайских мудрецов. Александр Григорьевич не сомневался, что подкинул ему напечатанные на листке афоризмы Борька Гликман. Но что это за проклятие: родиться тебе в эпоху перемен? Кридин не понимал. Он всегда стремился к переменам. И своим подчиненным не уставал повторять: «В этом болоте социалистического застоя можно навеки погрязнуть».

Но шло время, и когда перемены коснулись всего образа жизни и лично его самого, Александр Григорьевич эту незамысловатую шараду быстро разгадал. Он ведь отлично вписался в устои той размеренной жизни, которая в простонародье называлась застоем. По большому счету он подготовился к тому моменту, когда человек достигнув определенных в жизни высот, хочет использовать накопленный за долгие годы кропотливой работы багаж, как материальный, так и духовный, и начинает наслаждаться жизнью. Ее красотами, многообразием, загадочностью и совершенством. И вот теперь он в одночасье должен всего этого лишиться.

Кридин, конечно же, не был наивным романтиком, у которого счастье придет завтра или через час, и тем более он

не собирался проводить досуг на заслуженной пенсии. Он ковал свое счастье каждый час, каждое мгновение, но тем было для него и обиднее, что рушилось счастье, собранное им по крупицам. Механизм его счастья работал четко, рационально, соизмеряя возможности, в соответствии с реалиями текущего момента. Он занял свою нишу на иерархической лестнице. Он старался никому не мешать. Если его просили, он услужливо уступал место рядом. Даже не испытывая душевных мук, потому что был уверен в себе, в своих знаниях, в понимании человеческой сути и, наконец, в понимании жизни. Считал ее течение в этом русле непоколебимым. Как он любил говаривать: на наш век хватит.

Жизнь текла плавно и размеренно. Сын заканчивал институт, пусть не самый престижный – политехнический, при этом два раза из-за неуспеваемости побывал в академическом отпуске. Но Кридин считал, что пусть хоть балетно-копытный, главное иметь диплом о высшем образовании. А неуспеваемость? Он же не водку за углом пил, а отстаивал честь города на престижных соревнованиях. И если есть такая возможность, почему парню не поездить, не посмотреть страну, мир. Одна нам молодость дана... А учиться никогда не поздно...

Дочка оканчивала медицинское училище, правда, больше смотрелась в зеркало и бегала на танцы. Кридин решил: пусть продолжает династию зубных врачей. А что? У Алевтины устоявшаяся клиентура, которая записывается на при-

ем за месяц. Состоятельные граждане, с определенным положением...

И откуда только взялась эта грёбаная перестройка?

Да попросту народу стало весело и интересно: что будет дальше? Вышел на трибуну сладкоречивый мужичок в шляпе и начал учить жить. Поначалу показалось, что он хоть немного знает то, о чем говорит. Перестройка, ускорение, гласность. Блеск появился в глазах людей – заживем по-новому. Всем уже надоела тихая размеренная жизнь. Все хотели раскрыть свои способности и получать по труду. Кридин тоже затрепыхался. В период перемен кто-то теряет накопленное годами имущество, а кто-то неожиданно приобретает и становится баснословно богатым. И Александру Григорьевичу так хотелось в это верить. Иногда он заходил в курилку, слушал рассуждения коллег, вслух высказанные мечты: о своей деревеньке, мужиках и бабах счастливо работающих на хозяйских полях, усадьбе, не уступающей по размерам и архитектуре дворцу Меншикова. И все это так явственно представлялось в воображении и так гармонично вписывалось в мечты взамен разваливающихся колхозов и совхозов, что Александр Григорьевич только молча улыбался. Хотя прекрасно понимал, что книжные герои всегда отличаются от подлинных, от реальных. Но так хотелось в них верить. И Кридин верил, пока жизнь не повернулась к нему обратной стороной.

– Господи помоги! – кричал он, спрятавшись от всего ми-

ра в маленькой темной комнате, совсем недавно принадлежавшей бабушке жены. Кридин после ее смерти стал почти, что верующим человеком. Со смертью бабушки жизнь Александра Григорьевича, плавно и размеренно идущая по восходящей линии, вдруг резко покатила вниз. На что так осерчала бабушка!? Ну не любил ее Кридин, конечно, но ведь и не обижал. А может быть, обижал?

Александр Григорьевич перебирал в голове все возможные эпизоды его общения с бабушкой и ничего предосудительного не находил. Даже когда бабушка подглядывала за их интимной супружеской жизнью, он оставался спокоен и после добротного выполненного супружеского долга, находил в себе мужество шутить: «Опять проклятые мыши скребутся!»

В этот момент жена Алевтина с воплем вскакивала с постели и бежала в соседнюю комнату, где непременно сталкивалась с бабушкой. Кридин от души смеялся, но не имел даже мысли обидеть или унижить бабушку. Так за что же она с того света стала ему козни строить? Он уж сходил к ней на могилку и памятник справил в институте не хуже, чем любому уважаемому человеку, а жизнь становилась все тревожнее и тревожнее.

На прошлой неделе Кридин получил по почте заказное письмо от Красноармейского завода с просьбой погасить возникшую задолженность, и окончательно потерял самообладание: Почему письмо адресовано ему, а не председате-

лю кооператива или на худой конец начальнику института? И не пора ли ему обратиться в правоохранительные органы.

Оказалось, что пора. Но он не пошел в органы по одной простой причине, потому что не верил, что они предпримут действия в его защиту. Сколько их развелось, оборотней в погонах! Разве можно им доверять свою жизнь, свою судьбу?..

Дверь гаража наверху скрипнула, Кридин вздрогнул, и самые ужасные мысли заставили сжаться его сердце: будут бить или убивать. Ни того, ни другого Александру Григорьевичу испытывать не хотелось. Он схватился руками за каретку кровати и сжался в предвкушении мук. У него закружилась голова, и от звука приближающихся сверху шагов он потерял сознание.

– Вроде отходит, – Александр Григорьевич услышал над собой голос.

– Ты че, придурок, цирк нам решил устроить?

Санек плеснул Кридину в лицо водой, а затем, чтобы привести его в чувства отвесил две звонкие пощечины.

– Хватит тебе руки-то распускать! – Егорыч остудил пыл своего подчиненного, – Сказали доставить на место. Вот и выполняй. Залили zenки, а может, ему действительно плохо.

– Плохо!? Да придуряется! За такие деньги он и в могилу ляжет, лишь бы не отдавать.

– Но это теперь не твое дело. Давайте вытащим его на све-

жий воздух, а то не дай бог, что с ним случиться, хлопот не оберемся.

– Вставай, придурок.

Валек и Санек взяли Кридина под руки и потащили к лестнице.

– Я сам.

Александр Григорьевич попытался освободиться от грубых помощников.

– Иди. Только попробуй еще раз упасть, я сам тебя здесь похороню, и заступники твои не помогут, – пригрозил Санек Кридину.

Но тут же получил от Егорыча затрещину.

– Чего мелешь, идиот? Быстро поднимайтесь наверх.

На улице вечерняя прохлада и свежий ветер, как бальзам на раны, вернули Кридина к жизни. У него сдали нервы, и он упал на колени.

– Ребята не убивайте, я все отдам.

– Отдашь, куда ты денешься, – Павлик решил продлить сцену откровения, – только число и месяц назови.

– Я завтра все отдам.

– Вот видишь, а говорил, что нет. Вставай, сейчас поедem, расписку нам напишешь.

Но Кридин не верил, что его не будут убивать, и продолжал слезно просить: – Ну, пожалуйста, отпустите. Я, честное слово, отдам.

– Садись в машину, придурок, мы тебя до дому довезем.

– Я не хочу с вами никуда ехать. Я лучше на такси доеду.

– Сейчас еще раз пасть откроешь, я тебя точно замочу! –

Санек уже не сдерживал своих эмоций.

– Ну не надо, я вас очень прошу.

– Садись в машину!!!

– Помогите!!! – Кридин начал истошно кричать, прощаясь с жизнью.

Егорыч вовремя оценил ситуацию, махнул рукой.

– Пусть остается, поехали. Сам доберется, ничего с ним не случится. Дерьмо не тонет, а только плавает.

Глава четвертая

Жанна д, Арк

Для любовных встреч со Светланой Михаил снимал однокомнатную квартиру в самом центре города, в пятиэтажном доме с уютным тихим двориком. Обычно они встречались два раза в неделю по вторникам и пятницам. Но иногда Михаил настаивал на дополнительной встрече. Светлана не возражала, она понимала, что для Шохина стало важно не столько любовное свидание, сколько возможность поделиться с ней своими переживаниями и волнениями, узнать ее мнение, выслушать комплименты в свой адрес, которыми Светлана щедро его одаривала. Ей приятно было наблюдать, как он преображается, душа его наполняется восторгом, и этот восторг моментально отражался на его лице.

— Кролик!.. — ласково называла она Михаила, и про себя добавляла: — ...подопытный.

Никаких особых требований она к нему не предъявляла. Мужик он и есть мужик. Близко к сердцу Светка подпускать никого больше не хотела. Для удобства жизни есть влюбленный в тебя мужчина — пусть будет. Но, сейчас, глядя в окно третьего этажа в ожидании прихода Михаила, она вновь и вновь ощущала знакомую душевную боль и понимала, что не может она жить наполовину, дышать наполовину, а уж

любить наполовину тем более. Чем дольше она встречалась с Шохиным, тем больше мучилась мыслями о своей жизни и дальнейшей судьбе. Ведь ничего радужного в перспективе не просматривалось. Отношения с Шохиным в скором времени закончатся. И снова нужно будет пережить боль расставания, когда жизнь режет по живому, отрезая одну пуповину от другой.

Светлана гнала эти мысли. Но не могла с ними справиться в минуты ожидания и одиночества.

На улице светило солнце. Девять утра. Молодые мамы с колясками, пенсионеры выходили во двор подышать свежим воздухом. Светлана позавидовала их свободе и праздности. В отличие от них она вынуждена сидеть и ждать. А как известно, ждать и догонять – самое неблагодарное занятие. К тому же всю предыдущую ночь она плохо спала. Встреча с Василием всколыхнула забытые чувства, и память непроизвольно напомнила об ушедшей молодости. Она явно переволновалась. Перед глазами отчетливо вырисовывались картинки из прошлой жизни. Светлана ворочалась на кровати, пыталась успокоиться, выпила горсть снотворных таблеток, но ничего не помогало. Лишь под утро она немного задремала. Но еще не было шести часов, когда она словно по сигналу будильника встревожено проснулась. Бессонная ночь давала о себе знать. Светлана чувствовала напряжение во всем теле и тупую боль в голове.

Она решила развеяться, и поэтому почти весь путь от до-

ма до съемной квартиры прошла пешком. Но время не рассчитала, пришла раньше назначенного часа и теперь была вынуждена томиться ожиданием.

Наконец дверь отрылась, и на пороге показался Мишка, но не один. За ним по-хозяйски в прихожую вошли два мужика, от которых разило стойким винным перегаром. Светлана хотела было отругать Мишку за то, что он пришел на свидание не один. И вместе с ним выгнать этих алкоголиков взащей на улицу.

– О, какая дама! И мне кажется, мы уже где-то с ней встречались, – заискивающе улыбаясь, заговорил высокий мужчина с приятным голосом.

Щеки Светланы покрыл румянец. Она узнала Игоря Крымова, как только он вышел на свет из подъездного полумрака. Это был по-прежнему, вальяжный и уверенный в себе супермен. Хозяин жизни, правда, немного поизносившийся. С сединой на висках и слегка одутловатым от алкоголя и бессонных ночей лицом. Хотя он сменил свой традиционный черный костюм на молодежные джинсы, ранний жилотик, отчетливо выступавший из-под куртки, точно напоминал о возрасте, как кольца спиленного дерева.

Сколько же времени прошло? Больше десяти лет. И знакомство было кратковременным, а отложилось в памяти.

– Жанна д, Арк?! Я даже не сомневался, что обязательно тебя встречу.

Светлана еще больше покраснела. Она бы не возражала

против встречи с Игорем, но только не в этой ситуации. И в каком качестве она будет ему представлена? В любом случае Шохину этого она никогда не простит.

Мишка как будто и не видел ее раздражения. И то, что она знакома с Крымовым, его вовсе не смутило. Ну, правильно, все только думают о себе. Светка уклонилась от его поцелуя. Вот уж не надо нам вашего внимания!

– Светик, ну, пожалуйста, не обижайся... Меня задержали важные дела. Как только мы освободились, так тотчас поспешили к тебе. Мы тут столько вкусных вещей купили. Давай, милая организуй, нам стол, а то мы с вчерашнего дня еще ничего не ели.

От возмущения у Светланы часто забилося сердце, на щеках румянец сменила бледность, и комок подступил к горлу. Кто дал ему право давать ей указания? Важные дела... Давно ты, милый, стал важным человеком?

Она хотела выплеснуть на Мишку все свое негодование, но постеснялась Крымова и его товарища – холеного, упитанного очкарика, который от подъема по лестнице на четвертый этаж покрылся испариной и тяжело дышал. А еще через минуту Светлана справилась с нахлынувшими на нее чувствами, постаралась мило улыбнуться. Зачем понапрасну хороших людей обижать?

– Игорь, проходите... Сейчас мы что-нибудь придумаем...

– Это ваша квартира? – Крымов вошел в комнату и окинул

взглядом обстановку.

– Да нет, мы ее временно снимаем, – стесняясь убогости жилища, поспешил разуверить гостя Шохин.

– Вот хотим со Светланой квартиру купить, все никак не соберемся.

– Что-то про квартиру я в первый раз слышу... – начала было Светлана, но в очередной раз сдержалась. Пусть говорит, что хочет. Если уж Шохин начал хвастаться его не оставишь. Обидно за него. Умные люди ведь тотчас разберутся, где правда, а где ложь.

Светлане не составило большого труда организовать домашний уют на столе. Она разложила нарезки по тарелкам, сделала салат из огурцов и помидоров, заставила Шохина открыть банки с консервами и сделала бутерброды. Так что для походных условий сервис был на должном уровне.

– Жанна д, Арк, ты сегодня что у нас пить будешь? – Игорь сосредоточенно открывал бутылку коньяка и как бы между прочим спрашивал Светлану.

– То же, что и все, – Светлана сидела напротив Крымова, внимательно рассматривала его и его напарника.

За десять с лишним лет Крымов, конечно, изменился. На лице морщины и мешки под глазами, а самое главное появилась нервозность в поведении.

– Так водку или коньяк? – переспросил Крымов.

– Коньяк...

– Это по-нашему...

Крымов разлил коньяк по стаканам. Всем по четверти, свой стакан наполнил до половины. Поднял его и произнес тост алкоголика: – Ну, со свиданьем. – С жадностью залил бушующий в груди пожар, почмокал языком, распознавая вкус напитка, и только после этого выдохнул: – Господи, прими как лекарство.

– Хорошие слова, – Шохин польстил гостю, при этом так же старался оценить вкус коньяка.

Светлана рассмеялась, и настолько громко, что все невольно посмотрели в ее сторону.

– Ну, вот, Жанна, ты еще у нас ничего не выпила, а уже вошла в раж.

– Она не Жанна, а Светлана, – попытался внести ясность Шохин.

– Это для вас она Светлана, а для нас она Жанна, и не беспокойтесь, в нашем департаменте ошибок не бывает.

Светлана состроила гримасу удивления, но возражать не стала. Кому и что в этом мире можно и нужно доказывать? Шохин принял это замечание за чистую монету и задумался.

– Ну, ты колготки себе купила?

Светлана в очередной раз покраснела: ну и память у людей. Такие вещи помнят, о которых сама давно забыла. Похоже, разговор предстоял серьезный и бескомпромиссный. Светлана выпила коньяк, поморщилась и запила лимонадом.

– Купила, а что? Вы мне что-то предложить хотите?

– Да. Партию женского белья из Франции... Годится?

Светлане показалось, что Крымов ее хочет удивить.

– Зачем мне какая-то партия? Фу, вы меня Игорь удивляете.

– Ну, можем партию обуви или контейнер парфюмерии.

– Игорь, это не по адресу, я не торговый работник.

– О, мне эта женщина нравится, – вклинился в разговор очкарик, который усердно поедал все, что было на столе. Аппетитом он явно не страдал.

– Мне тоже, – сказал Крымов.

– Кстати, вы знакомы? Это Леонид. Это Жанна.

– Светлана, – попыталась внести ясность Светка.

– Леня у нас мозговой и финансовый центр, – уважительно представил своего друга Крымов.

– Центр чего? Земли или нападения?

– Центр нашей организации.

– КГБ? – Светлана не выдержала.

– Какого КГБ? Мы давно уже там не работаем. Нас послали осваивать другие горизонты, – с какой-то горечью пояснил Крымов.

– Игорек, кто послал-то?

– Пал Андреевич Бакагин.

– Что же он вас-то выбрал? Больше некого было?

– Значит, некого. Мы в пятьдесят лет стали пенсионерами органов госбезопасности. С одной стороны, это хорошо. Льготы и все там такое. С другой, грустно и обидно. Грустно потому, что рушат то, что создавалось годами. Обидно по-

тому, что не оценили то, что тобой сделано. И, по сути, вышвырнули за ворота, как последнего щенка. Вот мы теперь в бизнесе, делаем все что возможно. И помогаем строить финансовые империи. Вот и Михаилу хотим помочь правильно распорядиться властью. Грамотно провести приватизацию.

– Что значит грамотно? У нас в институте все делается грамотно.

– Это тебе только кажется.

– Вы, что же хотите принять участие в аукционе?

– Вот именно...

– Напрасно... Наше предприятие к вашему участию не готово.

– У нас вся страна к этому не готова, – усмехнулся Крымов, – однако без нашего участия редко что с успехом акционировается. Капитализм шагает по стране семимильными шагами, народ за ним не успевает, а он ведь никого ждать не собирается, как скорый поезд Москва – Берлин... А мы ему хотим помочь...

– Игорь, а про Вячеслава Андреевича Полковникова вы, конечно, все знаете? – Светлана решила внести в разговор ностальгические нотки, чтобы умерить пыл собеседника.

– Да, знаю..., – задумчиво произнес Крымов, – Только в голове не укладывается, что Славки с нами больше нет. Мы так точно и не знаем, что произошло...

– Инфаркт. Сердце не выдержало. Он очень переживал из-за всех этих перестроечных процессов.

– Да пил он много, а не переживал, – пояснил Шохин.

– Потому и пил, что переживал, – вступилась за память своего бывшего гражданского мужа Светлана.

– А где теперь его дочка? У него, по-моему, дочь была, – поинтересовался Крымов.

– Дочка уже совсем взрослая, вышла замуж, стала мамой и живет в той же квартире. Заходит к нам с Оксанкой в гости.

– Давайте помянем Вячеслава.

Крымов разлил всем коньяк, но теперь уже со всеми вместе, не чокаясь, выпил.

– Вы, мне кажется, были с ним друзьями, придерживались одних и тех же взглядов...

– Что было, то было, – задумчиво произнес Крымов.

– И что с вами стало? Вы потеряли свои рубежи?

– Да ничего не стало, и ничего мы не потеряли. Жизнь изменилась, по иному люди стали смотреть на жизнь, у каждого появилась своя точка отсчета, свои принципы.

– А Вячеслав мне всегда говорил... Да и вы мне по-моему в прошлый раз рассказывали про плебеев и патрициев. Что одни живут без принципов, а у других они незыблемы.

– Да Жанна Д'Арк ты права, всех нас превратили в плебеев.

– Да не всех, а только избранных.

– Согласен! – громко отрапортовал Крымов. Он уже захмелел и не хотел дискутировать.

– Давайте выпьем за успех предстоящего дела, – Крымов

решил сгладить намечавшиеся в разговоре углы и шероховатости. – И хватит сегодня о грустном.

Но Светлана за такое дело пить не хотела.

– Я за это пить не буду? Это не дело – это афера.

– Да называй, как хочешь, только в печь не клади.

– Напрасно вы иронизируете. Возможно, вы приватизировали фабрики, заводы, совхозы, колхозы, там работяг можно еще обмануть. Но нашу рабоче-крестьянскую интеллигенцию лучше обходить стороной. Она разрушит ею же созданное, будет голодать, но явного обмана не потерпит. Нужно время, чтобы сломать в головах таких людей стереотипы. А вы хотите одним махом лишить их надежд на осуществление заветной мечты стать собственником предприятия.

– Мы даже и не думали этого делать. Наоборот, хотим помочь стать собственниками.

– Ну да, за этим вы сюда со своим финансистом приехали, чтобы людей осчастливить?

– Вот костный народ... Ты зачем ее сегодня в нашу компанию привел? – Крымов полушутя обратился к Михаилу.

– Это ведь Жанна д, Арк. В ее голове и груди горит факел возмущения. Она готова поднять народ на борьбу. Противоречие и противостояние – основные принципы ее жизни. А мы-то с вами, господа, созидатели...

– Да нет, Игорек, я просто хочу, чтобы вы не потратили свои деньги и время напрасно. Чтобы не выглядели идиотами, на вас не показывали пальцем и вы не получили обще-

ственного презрения.

– Да плевали мы на общественное презрение, хватит, наелись этих коммунистических идей и комплексов.

– Ну и напрасно. Честно сказать, Игорь от вас я этого не ожидала. Шохин может такое выдать. Но вам это не престало. Общественное мнение всегда будет главенствующим. Каким бы оно ни было. Возможно, через какой-то промежуток времени большинство людей будут думать именно так, как сегодня думаете вы. И тогда это мировоззрение будет общественным, и действия ваши будут совпадать с желанием общественности. Тогда эти идеи легко можно будет провести в жизнь. Сегодня общество не готово к тому, что вы им предлагаете.

– А что мы им предлагаем? Ты ведь даже и не знаешь.

– Не знаю... Лишь догадываюсь...

Светлана прочитала бизнесменам выдержки из краткого курса наставлений, составленных ей Альбертом еще в начале перестройки. У нее тогда, как и у большинства, закружилась голова от новых лозунгов и призывов: «инженерная мысль», «трезвость», «качество» и еще «перестройка», «ускорение». Аж, дух захватывало от перспектив. На, что Альберт однажды, сказал ей, усмехнувшись: «Россия сколько существует, столько и перестраивается, но простому народу от этих перестроек лучше никогда не становилось. Все преобразования в итоге сводились к братоубийственной войне. Пока, наконец, к власти вновь не приходил самодержец, который за-

ливал кровью все демократические свободы и инакомыслие. И только после этого в стране наступало поистине всенародное счастье. Так, что насчет всех подобных преобразований ты можешь успокоиться и не переживать».

Время показало, что Альберт, как всегда, был прав. Поэтому Светлана не хотела, чтобы Мишка неосознанно предпринимал шаги, которые привели бы к краху его административной карьеры. С чем пришли эти два доброхота, для Светланы оставалось не ясным, но то, что Крымов так легко отступился от своих принципов и мировоззрения, заставляло задуматься. Наломают дров с этими ваучерами, затем от всего отрестятся, и придется Шохину доказывать, что он не верблюд.

И что человеку просто не живется? Что им движет, что с ним происходит? Судьба улыбнулась, сделала начальником отраслевого института – так радуйся и наслаждайся жизнью. Нет! Бесы управляют его разумом, раздрают душу. Он становится не похожим на самого себя, и бросается из одной крайности в другую. Какой тебе аукцион? Сядь в своем кабинете и сиди, не раздражай народ.

– Предполагаю, что вы хотите сделать собственниками института каждого инженера, каждого рабочего. Предложить такие выгодные условия, что ни один работник не захочет и не помыслит свой ваучер обменивать на машину, – иронизировала Светлана.

– О, прямо в точку попала. Ты наши мысли читаешь.

Не простой ты человек, Жанна.

Крымов после третьей стопки захмелел, и чувствовалось, что к дальнейшему спору он уже не расположен.

– Зато ты у нас, Игорек, сама простота, поэтому, наверное, и не знаешь, куда свой чемодан ваучеров пристроить.

– Наверное... – согласился Крымов.

– Не трогайте наш институт, пожалуйста.

Светлана от хорошего коньяка тоже захмелела. И все ее мысли вмиг превращались в слова.

– Не нужны нам ваши ваучеры. Мы сами прекрасно справимся с этой перестройкой. Все у нас для этого есть. И научный потенциал, и станки. А если вы сейчас к нам влезете, и все это рухнет?

– Что рухнет-то? Ты что так переживаешь? Все уже давно решено. Не нами, а в высоких московских кабинетах. Так что успокойся и дыши ровно. Слышала, что Чубайс сказал: «Мы как скажем, так и будет»?

– Приказано институт приватизировать. Значит, тому и быть. Кто от этого выиграет? Абсолютно все. Будет хозяин, который будет заботиться о нажитом добре. Будет выбивать для института деньги. Без денег ведь ничего не сделаешь. Зарплату не выплатишь, станок не купишь, железяку тоже не купишь. Так, что иного пути, кроме приватизации, нет.

Крымов уже совсем опьянел. Толстый очкарик Леонид, доедая салат, предложил:

– Может быть, приляжешь, отдохнешь с полчасика, а то

нам еще сегодня целый день работать, и завтра.

– Нет, я с Жанной хочу пообщаться. Больно уж она баба продвинутая, такую редко встретишь.

– Фу, баба – как пошло. После этого я с вами разговаривать не хочу.

– Ну, извините, девушка.

– Не извиняю. Может быть, Игорь, вам действительно прилечь?

– Только если с вами, мадмуазель.

– Со мной? Ну, это уже верх наглости.

Светлана жестко говорила нелицеприятные вещи, но при этом улыбалась, чтобы не выглядеть ханжой.

– Ладно, давайте еще по стопочке выпьем, и я пойду спать.

Крымов протер ладонью влажные губы, опрокинул в рот еще четверть стакана коньяка, поморщился, вздрогнул и вопросительно посмотрел на Светлану.

– Вот на диване располагайся.

Светлана разложила диван, достала из шкафа подушку и легкое покрывало. Крымов тяжело встал со стула, сделал два шага и буквально рухнул на приготовленное для него ложе. А уже через минуту он сопел, уткнувшись в подушку.

– Ну что, Шохин, рассказывай, как докатился до такой жизни?

Светлана вернулась и села к столу. О чем разговаривать с этим толстячком, она понятия не имела. А ведь как хозяйке дома ей предстояло его развлекать.

– А до чего я докатился?

Мишка не понимал игры ее слов.

– Как, до чего? До ваучерной приватизации, – Леонид внес свои коррективы и пояснения. Толстячок, насытившись бутербродами, принимал правила игры. Хочешь, не хочешь, а коротать время приятнее в дружеской компании.

– Шохин, если ты на этом аукционе сделаешь ход конем или что-нибудь подобное, знай, что мы с тобой расстанемся.

Светлана не обращала внимания на присутствие финансиста и высказывала в ультимативной форме то, что думала. Толстячок под очками нервно захлопал глазами. Такая семейная разборка явно не вписывалась в его рабочую программу. Он приехал контролировать процесс перехода государственной собственности в частные руки, при этом должен нести ответственность перед уполномочившими его людьми. А тут в его присутствии происходит вопиющее безобразие, срыв намеченных планов. Это неожиданное препятствие он обязан был устранить. Это, в конце концов, его работа. Самое надежное дело позвонить в Москву, вызвать «техническую» помощь по устранению ненужного объекта. Тут ведь снайпер и не нужен. Достаточно двух бравых парней, чтоб они бейсбольными битами этой летунье голову размозжили.

Леня усмехнулся, изобразив на лице милую очаровательную улыбку отличника, примерного в поведении на улице и дома.

– Как же тяжело с вами, женщины. Все в нас, мужиках, вас

не устраивает. Мы вас на руках носим, деньги даем, а любите вы тех, кто вами пренебрегает, а порой бьет вас почем зря и издевается. Почему такая несправедливость?

– Ну, еще не хватало, чтобы меня кто-то бил.

– Ну, разве я об этом. Мне вот, я считаю, с женой повезло. Ни в какие дела она у меня не лезет. Живет своим миром. Занимается физкультурой под музыку, ходит в театры с друзьями, на вечеринки с подружками. Правда, денег берет из семейного бюджета не меряно. Но здоровье семьи, я думаю, этого стоит.

– У нее, наверное, и любовники есть, – решила слегка уколоть толстячка Светлана.

– Не исключаю, но согласитесь разве можно удержать в наше время женщину от каких-либо необдуманных поступков. Тем более, если это касается удовлетворения ее плоти. Для этого нужно, чтобы она получила должное воспитание в семье, чтобы общество придерживалось определенных взглядов. Но разве в жизни мы с этим встречаемся. Конечно, нет, более того, у нас поощряется свободная любовь. Я, увы, ни Донки Ход, чтобы бороться с ветряными мельницами. И вы знаете, нервы себе по этому поводу трепать не собираюсь. Я просто говорю своей жене: «Дорогая, я тебе верю». И этим живу.

Леня, действительно, этим жил. После того, как два ухажера его супруги попали под машину и умерли, не приходя в сознание, его жена Люда стала безоговорочно верить, что

родилась роковой женщиной. А после того, как мужики стали обходить ее стороной, она стала этот свой имидж усиленно поддерживать, находя в нем особый шарм.

Очень часто встреча и сближение с тем или иным человеком резко меняет наше мироощущение, изменяет наше душевное состояние, наши поступки и мысли. Свою жену Людмилу Леонид разглядел двадцать пять лет назад при поступлении в Харьковский политехнический институт. Они столкнулись, когда сдавали документы в приемную комиссию. Леся тогда подумал: надо же, дурнушка, а какая холеная. И как держится!

Затем он обратил на нее внимание на экзаменах. Ну, обратил и обратил, это еще ничего не значило. Но вот они оказались в одной группе и за одной партой. Похоже, это уже судьба. Леся ведь никогда не был обласкан женской половиной, поэтому расценил череду событий как знамение, не стал судьбу искушать и сдался. Любовь, вспыхнувшая в их сердцах в студенческие годы, за двадцать с лишним лет прошла через чудодейственный дуршлаг житейских испытаний и отложилась в твердый душевный осадок, похожий на перегнившую навозную кучу. Леонид для себя определил, что кучу лучше не ворошить. Побег на ней растут и так быстро. Самое главное выбрать нужное семя. Леся предпочитал различные сорта счастья, семейного благополучия, успеха и здоровья. Иногда позволял себе расслабленность. Весь негатив он научился истреблять в душе в стадии зарождения.

В семье Людмилы очень ценили свою родословную и с удовольствием показывали своим знакомым дореволюционные фотографии прадедушек и прабабушек с одухотворенными лицами. Леня сразу понял, что человеческое достоинство в этой семье превыше всего, а его всегда тянуло к достойным людям. Только позже он понял, что его к таким не причисляли, в этой семье ему отводилась роль лакея. Особо он не переживал, ну и пусть лакей, но ведь за тебя все решают и даже иногда заботятся. В институте работать оставили, кандидатскую диссертацию написали, ежегодные выезды на сочинские пансионаты в бархатный сезон сделали постоянными. Живи и радуйся. Он и радовался. И даже не заметил быстрого переустройства общества. В их семье происходящее расценивали как очередной блиц-пиар коммунистов. Но когда их научные программы перестали финансироваться, и стала отчетливо вырисовываться перспектива остаться на всю жизнь подметальщиком улиц или ларечным работником, Леонид вынужден был проститься со своими сокровенными мечтами и желаниями, должен был проститься со сладкими муками творчества. Ведь очень неприятно выглядеть в глазах любимого человека неудачником. Пришлось выбрать новую специальность. Леня немного подумал, почесал затылок и поступил на ускоренные бухгалтерские курсы.

Через год, когда он научился исправно экономить деньги в одном харьковском кооперативе и получать зарплату выше среднего, угрозы развода со стороны жены переросли в ува-

жение. Оскорбления типа «неудачник, ученый муж, научный работник», произносимые раньше с особым сарказмом переросли в лесть и подхалимство.

Ну а затем, после того, как директор кооператива, вместе со своими подельщиками с большой суммой денег скрылся за границей, Леню ждала камера предварительного заключения и все вытекающие отсюда последствия тюремной жизни. Чтобы не покончить жизнь самоубийством, либо не оказаться в сумасшедшем доме, он сознательно все воспоминания о тюрьме стер из своей памяти. И если они вдруг всплывали, говорил сам себе: «Это было не со мной, а с кем-то другим».

И еще он отметил для себя: до чего же скоротечна жизнь. Как дорого может стоить один единственный шаг, необдуманный поступок. И до чего же неисповедимы пути Господни!

От долгосрочного заключения Леню оградили родственники жены. Это им стоило, как они считали, глубокого нравственного и духовного падения, поэтому их семья ничего общего с уголовником больше иметь не хотела. Здравствуйтесь вам, а, как и на что он должен был удовлетворять непомерно быстро растущие потребности их принцессы-дочки.

Эту интеллигенцию ему никогда не понять. Их время кончилось. Вся страна смеется, слушая их галиматью. А он что, из другого теста сделан? Хватит, пора открывать новый чистый лист своей судьбы и сделать следующую запись.

Леня отправился в Москву, потому что в Харькове все

двери для него были закрыты. И вот тут произошло невообразимое. Его Людмила вопреки наставлениям родственников, как жена ссыльного декабриста, последовала за ним. Жила вместе с ним на съемной квартире. Первое время, после работы в институте, подрабатывала уборщицей в супермаркете. Вдохновляла его. Заботилась о нем. И разве после этого она не стала его частью?! И мог ли он после этого с кем-то ее делить? И дело было не в ревности, хотя этим чувством он не был обделен. У него появилось право собственника. Собственника, который холил и лелеял свою вещь. Рискуюя своей жизнью и здоровьем, с любовью он вкладывал все время и средства в программу под названием «семья». Это ему удавалось не без труда. И вот тут может появиться какой-то хлыщ и одним махом разрушить его храм? Такого Леня позволить себе не мог.

Он много раз слышал суждения типа: да все сейчас так живут.

Пусть живут. Когда в обществе рушатся все нравственные барьеры, не так еще живут. Только он так жить не хотел. Сегодня кто-то пожелает любить твою жену, а завтра еще чего-нибудь захочет. Где гарантия, что жена не влюбится? Амур ей в сердце выстрелит, а бес в голову. А он из-за своей мягкотелости должен делить своих детей и добро. В КПЗ за десять дней его многому научили. Но один принцип он особенно хорошо усвоил: свое не отдавай, чужого не бери.

А у этой мокрошелки, по-видимому, никаких принципов

нет. Какое ее дело, есть у моей жены любовник или нет? Какая невоспитанность! Да и вообще это последнее дело, когда женщина лезет в мужские дела.

По большому счету этот институт – не самый лакомый кусок. Это не нефтепромысел, не газовое месторождение, не металлургический комбинат и даже не ликероводочный завод. Какая-то наука. Что с ней делать-то? Нервы мотать? Леонид умел анализировать и понимал, что ничего в этом мире просто так не бывает. Главное правило, по которому он жил: меньше знаешь, лучше спишь. Поэтому он не хотел забивать голову проблемами глобального масштаба. Он всего лишь добропорядочный исполнитель и ни в какие конфликты вступать не намерен.

Суть происходящего его волновала так: нельзя допускать сбоя в работе, одна неудача незамедлительно приводит к следующему провалу. Леонид всегда держался гребня успеха, и сейчас он должен был сделать все от него зависящее. Эту ситуацию необходимо обсудить с коллегами и обязательно сообщить об этом в Москву. С этой гейшей он, конечно, спорить не будет. Спасибо ей за обед. Леня чуть было не поперхнулся. Чем она тут его накормила? Он посмотрел на спящего Крымова. После такого обеда можно и не проснуться, не то, что куда-то сообщить. Эта амазонка глазом не поведет – отраву подсыплет. Что-то он с этим непутевым Крымовым расслабился. Вот дали ему в помощь телохранителя! Его самого оберегать надо. Разве можно в наше время ко-

му-то доверять, тем более бывшему кагебешнику?!

– Леонид, вы, может быть, тоже приляжете?

Светке показалось, что ее гость выглядит уставшим и несколько удрученным.

– Да нет, что вы, я не привык спать в гостях.

– Да вы не стесняйтесь, мы люди свои. Я с Крымовым знакома более десяти лет. А с моим бывшим мужем они знакомы и того больше.

– А кто ваш бывший муж?

– Заместитель начальника института по кадрам. Его сослуживец.

«В таком случае, ты здесь, в каком качестве? И что здесь делаешь?» – хотел у нее спросить финансист, но сдержался.

Он смотрел на Светлану преданными масляными глазами ловеласа, тем самым пытаясь доказать свою искреннюю симпатию. При этом мысли его скакали в голове, но одна искрилось, точно короткое замыкание двух оголенных проводов: эту суку надо убивать, иначе она все планы сорвет.

Ему бы только выйти отсюда. Только бы остаться живым и невредимым.

– Леня, вы, когда к нам ехали, о чем думали? – Светлана задала прямой и откровенный вопрос, от которого толстячок в испуге вздрогнул.

– Вы не дурак, понимаете, что приехали отнимать у людей их хлеб.

– Вы знаете, Светлана, я об этом как-то, честно говоря,

не задумывался.

– А вы бы подумали.

– Я ведь финансист, а не политик, оперирую цифрами, а не эмоциями. – Леонид мило по-дружески улыбнулся. – А цифры упрямая штука, их магическая сила принадлежит богам. Как сказал Пифагор, числа правят миром.

– И как же они правят!? – ехидно спросила Светка.

– Число – это фундаментальная категория. – В глазах Леонида появилась серьезность и сосредоточенность. – Вместе с пространством и временем оно определяет в той или иной степени сознание человека. С помощью цифр можно описать реальные физические процессы в природе. Они содержат кодовый язык, на котором записаны тайны мироздания.

– Ну... – еще раз ехидно улыбнулась Светлана оппоненту.

Но Леонид, казалось, не обращал на ее ехидство никакого внимания и увлеченно продолжал, переводя взгляд на Шохина.

– Вот возьмите простые числа – один, два, три. Если их сложить, то получится шесть. Но если их перемножить, тоже получится шесть. Возьмем цифру два, проведем с ней те же действия, и в том, и другом случае получим цифру четыре. Все простые числа лишь на первый взгляд кажутся простыми, а если поближе приглядеться, то каждое имеет магическую силу. Например, сумма любого количества последовательных нечетных чисел дает точный квадрат. Сумма кубов натурального ряда чисел равна квадрату суммы этих чи-

сел...

Леня пересказывал занимательную историю цифр, чтобы снять напряжение беседы. Честно говоря, эта шарада набила оскомину, он ее жутко не любил, но при случае использовал, чтобы сбить с толку собеседника. Много лет назад ему ее поведал в КПЗ один преподаватель математики, которого обвиняли во взятке. Неприятные ассоциации с тем далеким временем Леня настойчиво перебарывал, куда деваться, может быть, эта «колыбельная песня» успокоит разбушевавшуюся амазонку.

– Цифры завораживают, подчиняют себе человеческий разум. Мы ведь не задумываемся, а ведь все в этом мире подчинено им.

– Ну да, если придерживаться вашей теории, то человеку незачем иметь совесть.

– А что такое совесть? Это лишь ощутимый результат определенных действий. Результат, заложенной в человеческий мозг формулы. Меняется формула – меняются действия, меняются составляющие этой формулы – меняется результат. Но все составляющие, хочет этого человек или не хочет, можно объяснить простыми цифрами. Да и вообще, чем больше человек познает самого себя, тем для него становится очевидней, что он совершенная модель компьютера. Высоко технологичный робот, в который заложен определенный ресурс энергии, различные программы действий, и что самое главное – ему дан выбор. Каждый человек стро-

ит свою жизнь, будто раскладывает карточный пасьянс. Если он каждый свой шаг осмысливает, подходит к нему ответственно, продуманно, то у него значительно больше шансов выиграть в этой игре под названием жизнь. Но ведь согласитесь, мы в большинстве своем склонны к авантюрам, надемся на русское авось. Вот из-за этого авось, наши конечные результаты бывают отрицательными.

– А может быть, они заранее были заложены отрицательными.

– Нет, любой творец, проектируя свою машину, закладывает различные действия, кроме самоуничтожения, поэтому отрицательный результат, это всего лишь сбой работы той или иной программы. Кстати, из личного опыта, если вы получили отрицательный результат, то необходимо вернуться к истокам действа и устранить ошибки.

– Как же это вернуться?

– Я уже вам говорил, как в пасьянсе. Положить карты на место и сделать следующую попытку достичь нужного результата.

– Как же их положить, если поезд уже ушел?

– Поезд через определенное время обязательно возвращается. Вы просто никогда на это не обращали внимание. Он ведь тоже подвержен магии чисел.

– А если машинист был пьян и поезд с рельсов сошел?

– Значит, это не ваш поезд и не о чем сожалеть.

– А как же любовь? По-вашему, это тоже программа?

– Абсолютно, причем больше других она подвержена влиянию компьютерного вируса. Сейчас вы сами знаете, сколько шаманов развелось: приворожу, верну в семью мужа, отлучу разлучницу. Такой кудесник всего лишь программку поставит или, проще, мозги прочистит: живи и радуйся дальше. Конечно, если он добрый. А может «по ошибке» и другую программку поставить, тогда будет еще веселей. Поэтому я вам рекомендую научиться самим ставить антивирусные программы, самим чиститься, самим выбирать дорогу. Это ведь намного интереснее, чем доверять кому-то свою судьбу.

– Ну, вы-то, конечно, куете свое счастье не отходя от кассы, – попыталась вернуть разговор в нужное русло Светлана. – И точно знаете, что нужно делать, какую программку поставить, как прочистить мозги населению всей страны.

– Пожалуй, все человек знать не может. Могу лишь предполагать. А чтобы прочистить мозги населению, для этого есть специальные политтехнологи. У кого это лучше получается, тот выигрывает в политической борьбе, а значит, получает власть над страной. Я думаю, для вас это не секрет. А по поводу того, что я приехал хлеб отнимать, так вам скажу: каждый получает то, что он заслуживает.

– Конечно, вы заслуживаете, а мы не заслуживаем, – съязвила Светлана.

– Нет, я так не думаю, как раз вы-то свое никогда никому не отдадите. А если у вас отберут, вы отберете это у другого.

Разве это не так?

— Нет, я никогда ни у кого, ничего не отбирала и отбирать не буду.

— Это вам только кажется, или вы хотите, чтобы так было. Но, к сожалению, мир устроен иначе. Каждое мгновение, кто-то кого-то подавляет, притесняет, уничтожает. Постоянно идет борьба двух противоположностей. Мир, благодаря этому, находится в равновесии и развивается. Слабые особи умирают, сильные остаются. И другого не дано. Вот вы, общаясь с Михаилом, постоянно подавляете его, подавляете его волю, ущемляете его права, его желания. В этом нет ничего особенного...

— А вы что же хотите, чтобы я равнодушно смотрела, как он предает своих товарищей?

— Да нет, я вообще ничего не хочу. Я просто констатирую факт. И хочу вам объяснить, что если человек владеет чем-то не по праву, либо не правильно этим распоряжается, то это у него обязательно заберут. Таков закон.

— Чей закон?

— Жизни. Не может вся экономика страны жить на дотациях. Такая экономическая система не жизнеспособна. Все об этом знают, все с этим согласны, если вы говорите об общественном мнении. Все уже давно готовы сдать капиталистам. Одна беда: никто нас никогда никуда не возьмет. Потому что кроме своих нефтяных, газовых ресурсов, мы никакого интереса не представляем. Зимы у нас холодные, боль-

шая часть земельных угодий находится в зоне рискового земледелия, народ дикий и подлый, а главное ленивый, так что выгоднее всего использовать нас как скотомогильник. Слава Богу, территория у нас большая. Есть возможность дерьмо со всего света привозить. Так что вы со своим институтом не загоняйтесь. Коммунизм закончился, наступила демократия.

Глава пятая

Кинематометр

Владимир Алексеевич Чаплыгин медленно и осторожно спускался по лестнице со второго этажа медицинского центра, обслуживающего сотрудников института. Он держался за поручень перил и, ступая ногой на очередную ступеньку лестницы, на мгновение задерживал следующий шаг, будто хотел убедиться в надежности железобетонной конструкции. Да что там железобетонная конструкция! В последнее время он перестал верить самому себе, своим глазам. Рушилось все, что еще пять лет назад казалось незыблемыми. Вот, к примеру, этот медицинский центр, который с каждым годом терял свои приоритетные позиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.